

МИР СТРУГАЦКИХ
ПОЛДЕНЬ И ПОЛНОЧЬ

АРКАДИЙ СТРУГАЦКИЙ • БОРИС СТРУГАЦКИЙ •
ОЛЕГ ДИВОВ • РОМАН ЗЛОТНЯКОВ • ЕВГЕНИЙ
ЛУКИН • МАЙК ТЕЛПРИН • ИГОРЬ МИНАКОВ •
ДАРЬЯ ЗАРУБИНА

Елена Клещенко
Ника Батхан
Ольга Рэйн
Дарья Зарубина
Сергей Ковешников
Максим Михайлович Тихомиров
Сергей Борисович Удалин
Илья Халь
Борис Богданов
Григорий Константинович Панченко
Владимир Марышев
Сергей Звонарев
Игорь Московит
Агата Бариста
Евгений Юрьевич Лукин
Владимир Венгловский
Ольга Шатохина
Аркадий и Борис Стругацкие
Игорь Валерьевич Минаков
Михаил Валерьевич Савеличев
Евгения Халь
Тимур Алиев
Елена Владимировна Первушина
Олег Игоревич Дивов
Майк Гелприн
Алекс Громов
Дмитрий Никитин

Мир Стругацких. Полдень и Полночь (сборник)
Серия «Русская фантастика (Эксмо)»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14549186
Мир Стругацких. Полдень и Полночь: Э; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-84824-9*

Аннотация

Что произошло у рифа Октопус? Откуда взялся на Марсе канал имени Москвы? Чем закончилась история тринадцати подкидышей, которых так опасался Рудольф Сикорски? Что связывает катастрофу на Далекой Радуге и таинственную планету Пандора?

Аркадий и Борис Стругацкие, Олег Дивов, Роман Злотников, Евгений Лукин и другие в сборнике, посвященном миру далекого будущего, легендарного «Полдень, XXII век»!

Произведения братьев Стругацких, включенные в сборник, публикуются впервые!

Содержание

Роман Злотников	5
Полдень	8
Григорий Панченко	8
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий	15
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий	24
Олег Дивов	33
Сергей Звонарёв	51
Борис Богданов	59
Сергей Ковешников	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Мир Стругацких. Полдень и Полночь (сборник)

Роман Злотников Вместо предисловия

Вообще-то я не люблю историй из области «я и великие». Не слишком активно, но... не люблю. Нет, кое-какие жертвы в виде «фотографий с» и «автографов от» я на этот алтарь положил. Грешен. Но считаю, что это были, так сказать, минуты слабости. Однако когда мне предложили написать что-то по этому поводу в мемориальный сборник, посвященный памяти несомненных кумиров моего поколения – братьев Стругацких, отказаться я не смог. Так что «я и великие», внемлите ☺...

Когда я прочитал их первую книжку – я уже и не помню. В третьем классе или четвертом... Вряд ли позже. Прочитал и пропал. «Страна багровых туч», «Полдень, XXII век», «Стажеры», «Трудно быть богом», «Понедельник начинается в субботу», «Обитаемый остров», «Парень из преисподней»... ой как меня начинало корезить, когда заканчивалась очередная книга. Мне хотелось, чтобы продолжение было сейчас, немедленно, тут же. Я, как мне представляется, и писать-то сам в конце концов начал потому, что ну не было мочи терпеть, пока появится продолжение какой-нибудь полюбившейся мне книги. Вот и принялся сначала додумывать, представлять, воображать, как оно там должно быть дальше, а потом и сам вляпался...

В 1977 году я, будучи вполне себе стеснительным мальчиком (как минимум в обращении со взрослыми), неожиданно для себя умудрился написать братьям Стругацким письмо. Вот так – взял и написал. Мол, задумал книгу, хочу посоветоваться... Если честно – врал. Всегда ненавидел писать, так что даже представить себе не мог, что способен не то что придумать (воображение-то было), а вот просто записать на бумаге объем, равный книге. Поэтому то, что я как-то в конце концов после всех наездов преподавателей на слишком скудные записи лекций и семинаров и проверяющих из вышестоящего штаба на слишком «тощие» конспекты и планы занятий с личным составом и т. п. умудрился-таки стать писателем, – меня до сих пор удивляет до крайности. Но – письмо написал. И принялся ждать ответ. А он все никак не приходил... Прошел месяц, потом второй, потом третий. И я понял, что ждать бессмысленно. Ну не общаются великие с такими, как я... Не скажу, что так уж сильно расстроился, но некоторое разочарование – было. А потом, месяца уже через четыре, меня поздравил отец и торжественно вручил конверт с листком, на котором были напечатанные на машинке несколько строчек и закорючка подписи Бориса Стругацкого... Короче – ответ пришел, но так испугал моих родителей, что они почти два месяца не решались мне его отдать. Ну как же – письмо от самого Стругацкого! Мои родители были, как это тогда называлось, – ИТР, и Стругацких читали и сами. А тут письмо мальчику-школьнику. А ну как это плохо отразится на его психике? Но все-таки отдали. И оно и сейчас хранится у меня...

Не скажу, что я был на седьмом небе. Нет, письмо было добрым и каким-то... отеческим, что ли. Мол, это хорошо, Рома, что ты задумал книгу, а еще нарисуй рисунки космических кораблей, которые у тебя будут по сюжету, и следи за орфографией. А то слово «...» пишется через «е», а не «и»... Так что я, конечно, обрадовался, но и подсадовал на себя по поводу того, что, блин, не проверил письмо на ошибки. И что с того, что я так никогда не делал? То есть ни на диктантах, ни на сочинениях, ни на изложениях. Школа – это школа, там – можно, а тут письмо самим Стругацким... То есть к реально ощущаемому внутри вос-

торгу примешивалась и досада на самого себя. Возможно, именно в тот момент я и начал серьезно заниматься собственной грамотностью.

И еще – книжку я не написал. Даже не начал. Так все и осталось в воображении. Ну лентяй был – что поделаешь...

Второй мой личный, так сказать, контакт со Стругацкими состоялся уже гораздо позже. В начале «нулевых». И был он уже именно личным. Лицом, так сказать, к лицу.

Это произошло на Санкт-Петербургском конвенте «Интерпресскон».

Дело в том, что до того как вышла моя первая книга, я ничего не знал о жизни фэндома. я рос, учился, служил, получал звания, переходил на более вышестоящие должности, после распада Советского Союза и резкого сокращения армии уже в звании капитана перешел на службу из спецчастей внутренних войск МВД в учебное заведение милиции, начав преподавать единственное, что знал из всей сложной и многогранной милицейской работы, – боевую подготовку. И параллельно начал пытаться писать. Фантастику. Но о том, что существует некая и весьма многочисленная общность людей, объединенных именно любовью к моему любимому жанру... ну или направлению литературы, – я ничего не знал. И узнал, только когда стал «молодым, но перспективным автором», которого творческий дуэт Димы Громова и Олега Ладыженского, творящих под псевдонимом Генри Лайон Олди, пригласил на свой конвент.

Помню, я тогда еще не понял и уточнил как-то вроде: «Куда-куда сбегать?» Тем более что Дима и Олег к тому моменту уже были вполне себе маститыми, а я, повторюсь, всего лишь «молодым и перспективным». Ну они мне и объяснили, есть в фантастике такое явление, как конвенты, что существует это везде и в любой стране мира, что даже в маленькой Болгарии в год проводятся два конвента, вот и они затеяли нечто подобное в Харькове и желают меня там видеть. Вот после этого я и начал потихоньку кататься. «Звездный мост» в Харькове (ныне усопший, к сожалению, но будем все же надеяться, что не навсегда), «Роскон» и «Басткон» в Москве, «Интерпресскон» и «Странник» в Питере, «Аэлита» в Екатеринбурге... На самом деле конвентов в нашей стране куда больше, но сейчас речь не о них.

Так вот, на «Интерпресскон» меня тогда пригласил Саша Сидорович, один из главных его организаторов. Опять же как «молодого, но перспективного автора». А я тогда возьми и закинь удочку насчет встречи с Борисом Натановичем (старшего из братьев – Аркадия, к тому времени уже, к сожалению, не было в живых). На что Саша ответил:

– Да без проблем. Он на нашем конвенте вручает свои премии (АБС-премия и «Бронзовая улитка»). Так что непременно будет. И мы тебя ему представим.

И он таки был!

После вручения премий я не утерпел и не стал дожидаться того, чтобы меня представили Борису Натановичу лично, а «внедрился» в толпу, окружившую его. К тому моменту уже вышло несколько моих книг, и парочку из них я засунул в пакет, который держал в руках, собираясь вручить их «легенде» с соответствующей прочувственной речью. Но вокруг стояла целая толпа таких же поклонников их творчества, как и я, поэтому обратить на себя внимание «мэтра» все никак не получалось... И тогда я начал «работать бедром», потихоньку отодвигая других претендентов на внимание «мэтра». Паренек я был дюжий, и мои усилия через некоторое время увенчались некоторым успехом. Так что я наконец улучил момент:

– Борис Натанович, – проникновенно начал я, – должен сказать, вы, не подозревая об этом, приняли заметное участие в моей судьбе.

– Как это? – слегка озадачился «легенда».

– Дело в том, что, когда мне было четырнадцать лет, я написал вам с братом письмо, – сообщил я. – И вы мне на него ответили. Причем именно вы.

– И что? я всем отвечаю, – не понял «мэтр».

– Так вот, – не дал я сбить себя с мысли. – После этого я учился, служил, а потом начал писать. Фантастику. И вот теперь... – Тут я потянулся к своему пакету, в котором явственно просматривалось нечто весьма толстое. Борис Натанович слегка перекошило.

– Понимаете, молодой человек, – начал он мне, – дело в том, что я очень, просто чрезвычайно загружен. Я за год прочитываю до трехсот рукописей и просто физически не в состоянии...

Но было поздно. Я уже достал из пакета свои книги. Борис Натанович загнулся, блеснул очками и продолжил уже совершенно другим тоном:

– А-а-а, так вы их уже издали? Тогда давайте-давайте, с удовольствием прочитаю...

Вот так и произошла наша первая встреча лицом, так сказать, к лицу.

Потом мы встречались еще несколько раз. Как-то так получалось, что, когда я появлялся на «Интерпрессконе», мы с ним всегда вместе обедали. Если я шел на обед – то заходил за ним, а если он приходил первым – то всегда оставлял мне место за своим столом. Один раз даже мне удалось его «освободить». Потому что у него сломался замок, и, когда я зашел за ним, он уже минут десять пытался выбраться из запертой комнаты. Но его никто не слышал. Было и такое ☺.

Нет, особенно близкими мы не стали. Даже переписки не зародилось. Но при встречах общались с удовольствием. Так что общение с живым «великим» принесло мне только радость. А ведь мы знаем, что бывает и по-другому. И потому известие о его смерти я принял с искренней грустью и... светлая им память.

Этот сборник – как раз и есть эта память. Он во многом уникален и вовсе не тем, что мемориальный и издан к годовщине смерти последнего из покинувшего нас братьев – Бориса Натановича Стругацкого, а тем, что часть опубликованных в нем рассказов – победители сетевого конкурса, посвященного миру, созданным Аркадием и Борисом Стругацкими. Миру Полдня и миру Полночи. Миру светлого будущего, в котором, однако, есть и свои проблемы, и свои победы и поражения, и миру будущего... нет, не столько темного, сколько обычного для цивилизации Земли – трудного, требующего для выживания в нем воли, стойкости и упорства. Ну так мы же в таком будущем сейчас и живем, не так ли? Хотя продолжаем мечтать о другом.

А еще в нем опубликованы два текста АБС, которые пока не публиковались нигде и никогда. Вот такой мы получили от них прощальный привет...

Полдень

Григорий Панченко

**О странствующих и путешествующих –
какими вы не будете**

**Предисловие к неизвестным ранее
произведениям Аркадия и Бориса Стругацких,
впервые опубликованным в этом сборнике**

«Погружение у рифа Октопус»

Рассказ «Погружение у рифа Октопус» написан на рубеже 1959 и 1960 гг. Хронологически он, видимо, второй из текстов, впоследствии составивших «полуденный» мир: «Белый конус Алаида» уже рожден, но в главу «Поражение» еще не превратился. Впрочем, ведь пока нет вообще никаких глав, как и Полудня нет – хотя зачатки его уже намечены. Причем в «Октопусе» куда больше, чем в «Конусе»: налицо и Костылин (тогда как герой «Конуса» – не Атос-Сидоров), и океанолог Званцев, и астероид «Бамберга» («Стажеров» еще нет даже как замысла!), и термин «оверсан» (в рассказе «Путь на Амальтею» он уже явлен, но сам этот рассказ будет явлен читателям лишь через несколько месяцев)... Любопытно, что антураж этого предПолудня скорее соответствует первым главам грядущей повести, «Ночь на Марсе» и «Почти такие же», относящимся к XXI в. (а действие «Ночи на Марсе» вообще должно в конце XX в. происходить), да уж и «производственным» главам «Стажеров». Но при этом рассказ перенесен в куда более позднее время: при взгляде на потопленный во время *Последней Войны* японский или американский авианосец Костылин вспоминает, что ему не раз приходилось наткаться на такие обломки *трехвековой давности*.

Кажется, у Братьев иногда возникало сознательное или подсознательное желание передвинуть Полдень на столетие вперед. Ведь и в «Попытке к бегству» дата открытия планеты Саула, «юлианский день двадцать пять сорок два девятьсот шестьдесят семь», относится к середине XXIII в.

Считать ли «Погружение» эпизодом взрослой молодости Лина, бортинженера и охотника (правда, потом охотничью стезю избрал Поль), из аньюдинской четверки мушкетеров? Если так, рассказ хорошо вписывается в соответствующую нишу: ведь Капитана, Атоса и Либеру Полли мы в этом качестве видим именно как главных героев соответствующих глав, а Лину отведена роль второго плана (правда, дважды, причем оба раза на фоне Поля – однако последнее его появление приходится уже на время старости бывших обитателей 18-й комнаты). Но, пожалуй, этот вывод верен «с точностью до наоборот»: Стругацкие, сформировав своих героев порознь, вскоре начинают создавать для них общий мир. А для четверки из аньюдинского интерната – и общее детство.

Мир, где найдется место и Жене Славину (только готовящемуся появиться на свет в «Ночи на Марсе»), и Горбовскому, и Званцеву... И Охотнику из «Свидания», который потом станет Полем, но пока носит совершенно иное имя – как и его друг, в дальнейшем сделавшийся Лином. И герою «Белого конуса Алаида», еще не Атосу (он в рассказе, опубликованном на страницах «Знание – сила» № 12, 1959, получил очень тяжелую, возможно, даже смертельную травму – и, кажется, тень этого ранения продолжает витать над ним даже после совмещения с Атосом: в «Десантниках», в «Улитке на склоне», в «Волны гасят ветер»...).

Александра Костылина это касается тоже. Все они – «почти такие же», как были в ранних новеллах. Но некоторые изменились довольно заметно – и миры рассказов изменились вместе с ними, чтобы соответствовать миру Полудня.

Почему все-таки эта глава не вошла в «Полдень», будь то повесть 1962 г. или роман 1967-го и всех последующих лет? На то может быть несколько причин. Скорее всего, они действовали все вместе.

Прежде всего Братья, видимо, решили не переотягощать цикл «океанскими» главами, так что даже из двух гораздо более зрелых новелл, «Глубокий поиск» и «Моби Дик», выбрали лишь одну – а уж о третьей и речь не шла. Об этом еще скажем позже. Помимо всего прочего, все эти главы-новеллы отмечены влиянием знаменитого романа А. Кларка «Большая глубина» (он на многих наших фантастов оказал влияние: Жемайтис, Ларионова, Кир Булычев – не только «Узники «Ямагири-мару», но и «Агент КФ») – причем для каждой из них в отдельности перекличка с Кларком не была чрезмерной, а вот вместе... но вместе, под одной обложкой, они никогда и не появлялись.

Наконец «Погружение у рифа Октопус» отражает тот этап творчества Братьев, который сами они с неудовольствием называли «ранние Стругацкие». Гораздо в большей степени ранние, чем то характерно для ряда других новелл «полуденного» цикла, даже всего на год-два позже написанных.

Это действительно так. Однако пускай ранние Стругацкие, но все равно – СТРУГАЦКИЕ! Так что новелла эта имеет отнюдь не только историческую ценность.

Добавим, что тема рифа Октопус у Стругацких поднимается неоднократно, даже название это иной раз звучало. Ну и часть реалий была использована в том же «Глубоком поиске», правда, оставшись почти за кадром: помните, о чем имела сведения Океанская охрана? Среди прочего – о драконах и «об океанском гнусе – маленьких хищных рыбках, многотысячными стаями идущих на глубине полутора-двух километров и истребляющих все на своем пути».

А еще в планах Братьев был такой пункт: «Вставить в главу «Риф Октопус» дрессированных кальмаров, уничтожающих косаток». Будь эта переделка реализована – новелла, похоже, вобрала бы в себя некоторые мотивы «Глубокого поиска»... и не только их. Между прочим, поди угадай, каких именно косаток Стругацкие имели в виду: совершенно реальных «китов-убийц» – или тех абсолютно фантастических рыб, которые появляются только на страницах «Погружения», чтобы стать жертвами стаи белых драконов. Лично мне кажется, что второй вариант больше похож на правду.

(Откуда вообще взялись эти рыбы-косатки? Опять же поди угадай. Возможно, перед нами увеличенные «двойники» таких совершенно реальных обитателей моря, как рыбидельфины: это дорада, она же корифена, с дельфином у нее нет ничего общего, кроме рыбацкого названия.)

«Современная зарубежная научная фантастика»

Статья была написана в начале июля 1965 года, вероятно, для Детской энциклопедии: как раз тогда стартовало второе, 12-томное издание, том 11 которого был зарезервирован за языком и литературой. Выпуск энциклопедии затянулся до 1968 г., и в конце концов тему зарубежной фантастики выделить уже не рискнули, а главу об НФ как таковой написал академик Л. И. Тимофеев, неплохой литературовед, положительно относившийся к Стругацким, но...

Может быть, самое правильное – это попробовать хотя бы выборочно ознакомиться с теми произведениями, которые упомянуты в рецензии. Благо теперь это легче, чем во времена АБС.

Честно говоря, в том-то и дело. Когда осознаешь, НАСКОЛЬКО такое легче сейчас, – становится ясно, что проблема была не только в доинтернетной эпохе. Просто Стругацким приходилось просматривать все эти образцы американской фантастики, что называется, «без права выноса»: на столе в редакции, в квартире у кого-то из выездных друзей... Читать наспех, без возможности копирования (опять-таки дело не только в отсутствии ксероксов и сканеров), делать выписки буквально «на коленке»... И – невольно упускать важные подробности, ошибаться. А иногда, наоборот, прибегать ко вполне осознанной маскировке.

Это, кстати, хорошее напоминание для тех, кто сейчас абсолютно не представляет, о какой эпохе идет речь – и ностальгирует по ней без осознания того, какие проблемы там возникали буквально на каждом шагу. Безусловно, не только у Стругацких. Но вот возьмем как раз их. Уже ясно, что ведущих фантастов страны (налицо не только «Полдень, XXII век», но и «Попытка к бегству», «Далекая Радуга», «Трудно быть богом», «Понедельник начинается в субботу»; «Хищные вещи века» уже стоят в издательских планах, хотя из-за начальственных придинок застряли еще на несколько месяцев). На тот момент – не диссидентов, во всяком случае, явных и вообще покамест гораздо меньше разошедшихся с окружающей действительностью, чем всего пяток лет спустя. Вот эти ведущие писатели, свободомыслящие, но все еще считающиеся лояльными, знающие установленные *правила игры* и в данном случае готовые соблюдать их, решают поработать над достаточно безобидной с точки зрения идеологии темой. Тем не менее на их пути постоянно встают серьезные препятствия.

...На самом деле так бывало не всегда: не будем демонизировать эпоху, и так-то много желающих. В других случаях, достоверно знаем, Стругацкие (то есть преимущественно АН: в руки БНа сборники и журналы иностранной фантастики начали попадать позже и менее систематически) имели возможность работать с такой литературой в куда более благоприятных условиях. Без цейтнота «на коленке», не часами, но днями и неделями, с возможностью брать домой.

Да, в других случаях бывало иначе. А вот на сей раз, похоже, получилось именно так, в режиме цейтнота. Почему? Да, собственно, нипочему: приукрашивать эпоху столь же незачем, как и демонизировать. Просто потому, что «так уж вышло» в данный конкретный момент. И вот надо готовить статью – а материалов под руками нет: ни новые получить иначе чем «на коленке», ни освежить в памяти ранее прочитанные. Повторно добратся до них, как правило, не невозможно – но это отдельный серьезный труд. Который потребует немало времени и усилий, а к тому же не факт, что увенчается успехом...

«Поражающая научная фантастика» – это «Astounding Science Fiction»; кстати, самый славный журнал (не англо-, а просто американский) за всю историю фантастики: трижды сменив название, но сохранив сущность, он продолжает существовать до сих пор, теперь под именем «Analog». Описание обложки, правда, соответствует не майскому, а февральскому номеру за 1959 г. (сказывается ситуация «без права выноса»). Итак, какие же произведения опубликованы в нем?

Автор «Пиратов Эрзаца» (именно Эрзаца, без «т», в том самом смысле: «эрзац-пираты») – Мюррей Лейнстер, один из классиков. Нашим читателям эта его вещь, добротная и неплохо читаемая, знакома под более поздним названием «Пираты Зана». Чем история про космопиратов могла резать глаз в 1960-е гг. – вопросов не вызывает: тогдашние читатели в прогресс, научный и социальный, верили крепко. Скажи им кто-нибудь, что человек к 2015 г. так и не ступит на поверхность Марса, – это было бы воспринято как крайне антинаучная фантастика. Сейчас-то анахронизмом выглядит скорее логарифмическая линейка, чем пиратский колорит, за которым, увы, даже в космос нет нужды удаляться...

(Тут самое время вспомнить, что Стругацкие планировали поднять космопиратскую тему еще в том замысле, итогом которого стал «Путь на Амальтею», – но отказались от этого

плана из-за его абсолютной цензурной непроходимости. Наверно, потому они о «Пиратах Эрзаца» высказались осторожно: так, чтобы это при большом желании могло быть истолковано как неприятие «космопиратства»... но на самом деле таковым не являлось.)

Рассказ «Кочегар и звезды» принадлежит некому Джону А. Сентри. К счастью, в тогдашнем СССР, видимо, не было известно, кто скрывается под этим псевдонимом, иначе у Братьев, будь эта статья подана на публикацию, могли возникнуть... проблемы. Нет, скорее всего ничего страшного не произошло бы: Стругацкие регулярно конфликтовали с властью по гораздо более серьезным поводам, чем мелькнувшая в литературном обзоре фамилия (а тем более псевдоним) зарубежного фантаста. Но, наверно, именно с учетом такой возможности в обзоре почти всегда упомянуты лишь названия рассказов, а не их авторы: мало ли что...

В случае с Сентри предосторожность оправдана: никакой он не Сентри, а Альгирдас Йонас Будрис, сын генерального консула досоветской Литвы в Нью-Йорке, на момент написания статьи уже и сам считавшийся официальным представителем литовского правительства в изгнании; вдобавок, словно этого мало, – еще и активный сайентолог. Тем не менее фантастику Будрис писал совершенно без оглядки на подобные детали своей биографии – и делал это хорошо. «Межзвездный кочегар» (назовем его так) – рассказ пронзительный, горький и мужественный. Но слишком пессимистичный для того, чтобы открыто похвалить его в советском фантастиковедении 60-х: события происходят после глобальной космической войны, человечеством проигранной...

Текст, который следует в журнале дальше, даже не упомянут: Calvin M. Knox «Hi Diddle Diddle!». Похоже, АБС или АН не хватило времени его внимательно, с выписками прочесть, а при беглом просмотре название перевести затруднительно. На деле это всего лишь зачин детского стихотворения-нонсенса, в котором корова прыгнула выше луны. Сюжет же без всякого нонсенса повествует о том, как получить молоко на лунной базе. Кто автор? Под личиной Кэлвина Нокса он тут скрывался последний раз, далее уже публиковался под своим собственным именем – Роберт Силверберг... Рассказ этот хорошо известен любителям фантастики, на русский он переведен (в 1990 г.) под названием «Тру-ру-ру-ру», что поделать, алгебра абсурдистских фраз не повернется гармонией.

Далее – «Случайная смерть» Питера Бейли. У нас он не переводился, а в англоязычной фантастике довольно известен (как и его автор). Рассказ... пожалуй, хорош и уж точно неожидан; сюжет его немного сродни той истории о гигантской флюктуации, которую Жилин излагает в «Стажерах», поэтому похвалить его тоже было затруднительно: Жилин-то шутил, а у Бейли все всерьез, с нарушением логики «жесткой» НФ, с привязкой категории везучести/невезучести к галактическим расам, с трагическим исходом...

Следующий рассказ в перечне – «Недостающее звено». Его написал Фрэнк Герберт: ранний, еще не овеянный славой «Дюны», но уже тогда создававший незаурядную фантастику. Если поискать аналогии у самих АБС, то это словно бы «Попытка к бегству» и «Благоустроенная планета» в одном флаконе. Потому и «недостающее звено»: как там в «Попытке» сказано о цивилизации Саулы – «родной брат человечества – очень юный, очень незрелый и очень жестокий...». В данном случае не такой уж незрелый, но по-прежнему столь жестокий, что Герберт при первой же возможности ставит его под контроль со всей американской решительностью.

Ну и последний из рассказов того «майско-февральского» номера: Леонард Локхард (опять псевдоним, причем эпизодический: обычно автор писал под своим реальным именем Чарлз Леонард Харнесс) «The Professional Touch», что в данном случае означает скорее «Профессиональная ошибка», или даже попросту «Туше». Почему он тоже не упомянут? Можно предположить – потому, что и его вот так «на коленке» не просмотришь, не осознаешь: сюжет посвящен злоключениям юриста, помогающего оформлять патенты на фан-

тастические изобретения. Хорош ли рассказ? Бывали и получше (у «Локхарда» их целый цикл), этот чуть переотягощен патентоведческими подробностями, интересными скорее бармену Джойсу, чем Юре Бородину или даже Ивану Жилину... но все-таки неплох. То же и об авторе скажем, ни разу не получившем «Хьюго» и «Небьюлу», но неоднократно на них номинировавшемся.

Анализировать состав японского журнала не возьмемся: тут надо обладать квалификацией Аркадия Натановича! Но третий из упомянутых журналов, «Изумляющие рассказы», – это, безусловно, «Amazing Stories»: по сравнению с «Analog» во всех его аватарах и в самом деле не самое притязательное чтиво, однако...

Номер, на обложке которого «запечатлен грустный момент из биографии некой прекрасной блондинки, повстречавшейся с чудовищным муравьем слоновьих размеров», на сей раз указан точно: ноябрь 1958 года; вот только девица все-таки брюнетка. Вроде бы мелочь – но характерная: снова, уже в который раз, срabатывает знакомая ситуация. Братья (или даже только старший из них) успевают прочесть и законспектировать один рассказ, однако к тому моменту, когда берутся за статью, журнала перед ними уже нет.

Итак, рассказ «Ужас в наследство». Автор его – Генри Слезар, такой вот полупсевдоним (у него и настоящих псевдонимов хватало в основном для работы в межавторских проектах – бок о бок с тем же Силвербергом, Робертом Блохом и Харланом Эллисоном), американизированная версия фамилии: по разным источникам то ли Шлоссер, то ли Слесарь... Что, впрочем, одно и то же: Слезар – почти ровесник старшего из Братьев, а мог бы оказаться и соотечественником, вот только его родители в отличие от Натана Стругацкого подались не в революцию, а в эмиграцию. Верна ли характеристика рассказа? Пожалуй, да, хотя и чуть слишком безжалостна: Слезар как писатель и сценарист успешно работал в хорроре, особенно детективном, но именно «Ужас в наследство» – дежурная вещичка, как раз чтобы не пропустить журнальную публикацию. При этом сделана она с достаточным профессионализмом, и, честно говоря, едва ли от нее отказался бы любой из наших журналов фантастики в ту пору, когда они у нас появились... а вот эта пора уже и миновала... Но не будем о грустном.

А какие еще рассказы скрываются под обложкой того номера? Их четыре: два принадлежат фантастам, которых хорошо знает современный читатель по обе стороны океана, один сохраняет известность только на англоязычных берегах, и еще один малоизвестен даже там.

Начнем с именитых. Бертрам Чандлер, рассказ «Clear View» – что в данном случае, пожалуй, правильной перевести как «Идеальная видимость», или «Открытый горизонт»: у Чандлера терминология флотская, он как в юности всей душой возлюбил море, так до старости и писал только о нем. Даже когда действие, как в этом случае, происходит не на океанских просторах, но в космических глубинах.

Далее – Мэрион Циммер (ну ладно, пусть будет Зиммер, раз уж так повелось у теперешних переводчиков) Брэдли «Спасатели планеты». Этот текст, принадлежащий циклу «Дарковер», в 1992 г. переведен на русский, так что читатели могут оценить его сами... Ан нет, не совсем так: перевод 1992 г. сделан по поздней версии, дотянутой (чтобы не сказать – раздутой) до романного объема, а в «Amazing Stories» № 11.58 опубликован исходный, журнальный вариант, не выходящий за пределы короткой повести. Поэтому доступная нам переводная версия – довольно неплоха, но та, с которой могли (если успели) ознакомиться Стругацкие, – много лучше.

Один рассказ «Мир за Плутоном», как уже говорилось, принадлежит автору, известному лишь в англоязычной галактике, в журнальной публикации он не указан, но это, как выяснилось впоследствии, некто С. Н. Thames, реальное имя – Милтон Лессер. Тоже один из типичных «многостаночников», работавший, в зависимости от жанра, под кучей псевдонимов, среди которых и... Эллери Куин! (Не будем путать собственное творчество

создателей этого коллективного псевдонима, знаменитых кузенов Даннея и Ли – тоже, кстати, псевдонимы! – и некоторое количество приличных профессионалов, которым выше-названные кузены иногда разрешали поработать под брендом «Эллери Куин».) «Мир за Плутоном» – очередной эпизод приключений Джонни Майхема, супергероя отнюдь не без страха и упрека, около десяти лет остававшегося знаковой фигурой американской фантастики. Можно ли назвать эту историю бульварным чтивом? Ну... Не в большей степени, чем рассказ Слезара. Сюжет достаточно драматичен, а автор вправду умелый профессионал, так что, несмотря на определенный архаизм, «Мир за Плутоном» неплохо смотрелся бы и на страницах наших журналов фантастики. Тогда, когда они появились. А это отнюдь не 1958-й и даже не 1964-й.

Ну и наконец-то по-настоящему неизвестный фантаст Дж. Л. Вандербург, чья короткая известность как мастера иронической фантастики приходится на 1950-е годы, а потом он сгинул без следа. Очень может статься, что это тоже чей-то псевдоним, так и оставшийся не раскрытым. Его рассказ «Moon Glow» (в данном случае – скорее «Лунный удар», чем «Лунный свет») уж точно не является бульварным чтивом: юмор искрометен, ирония едка и гораздо в большей степени направлена на американскую, чем на советскую сторону участников пресловутой «лунной гонки». К сожалению, Братья, даже если успели его прочитать, вряд ли могли похвалить открыто: сюжет, в котором ее величество Русская Водка оказывается на Луне раньше, чем Кентуккийское Виски, точно не сникал бы одобрения тогдашнего литературного начальства.

Экскурс на страницы американских журналов завершен. Мы видим, что обзор Стругацких неизбежно включает элементы политекса, а зачастую его возможности ограничены и чисто техническими проблемами. Однако... что можно возразить против этой основной мысли: «О литературе судят по ее лучшим образцам, а не по неудачам и халтуре... Но мы все время помним, что умные, честные и талантливые произведения Брэдбери, Азимова и других зарубежных фантастов, известные советскому читателю и получившие заслуженно высокую его оценку, появились впервые именно в этих «поражающих, подлинных, изумляющих» журналах и приложениях, сплошь и рядом в неприятном и диком соседстве с макулатурой, халтурой и спекуляцией на низком художественном вкусе».

Дальше уже пошли книжные персоналии: на тот момент новинки, переведенные совсем недавно, а то даже еще не переведенные (признаемся, как-то не сразу удается представить мир, в котором таковыми являются «451 градус по Фаренгейту», «Солярис», «Конец Вечности»). Все они сейчас более чем известны, так что анализировать тут как будто нечего. Хотя...

Интересно, «День триффидов» Уиндема упомянут потому, что старший из Братьев уже взялся его переводить – или эта работа началась чуть позже? Как бы там ни было, «С. Бережкову» через год предстоит защищать Уиндема от неизбежного гнева литературного начальства – для чего ему придется затушевать недвусмысленное указание на то, что триффиды являются продуктом лысенковской биологии, а погубивший человечество «звездопад», судя по всему, был не осколками кометы, но результатом спонтанного срабатывания советских боевых спутников... Впрочем, во времена Уиндема и сам термин «спутник» еще не вошел в обиход: вот как давно все это было!

Повесть Шекли «Странствия Джона» – безусловно, «Хождение Джоэниса»; имена John и Joenes при обычных обстоятельствах спутать трудно, но продолжаем помнить о ситуации «без права выноса». Судя по контексту, Стругацкие полагают, что перевод ее вот-вот будет разрешен (уж не «С. Бережков» ли им планировал заняться?), – но этого пришлось ждать четверть века плюс еще год для совсем уж не поддающейся маскировке главы «Джоэнис в Москве», из которой становится ясно, что не одна лишь американская военщина виновна в гибели человечества...

Вообще же Шекли, по счастливой случайности закрепившемуся в имидже «прогрессивного-американского-писателя-бичующего-буржуазную-действительность», конечно, повезло: советские переводчики (пусть и не Бережков) ухитрились сделать конфетку из любого его произведения. Даже из «Хождения Джоэниса», вещи не просто скучнейшей, но и, так сказать, экспериментальной – в том смысле, что автор во время работы над ней по-крупному экспериментировал с ЛСД. Поэтому не следует удивляться его популярности у нас при почти полном забвении в оригинале: Шекли – фантаст достаточно неплохой, но переводили-то его настоящие мастера, не ему чета...

И совсем уж напоследок несколько слов о романе А. Кларка, который пришел к нам под названием не «Бездна», а «Большая глубина». Специально для тех, кому до сих пор кажется, будто Братья «прячут», «избегают выдавать» переключку своего творчества с этой книгой. Да ничего и никогда они не прятали – как сам Кларк не прятал свои многочисленные отсылки к мелвилловскому «Моби Дику»! Наоборот, Стругацкие прилагают максимум усилий, чтобы «Большая глубина», а также другие новые (на тот момент!) романы Кларка, Азимова, Уиндема, Брэдбери и Шекли дошли к нам как можно раньше.

Как правило, им удавалось ускорить этот процесс. Когда на годы, а когда и на десятилетия. В те же годы и десятилетия создавая собственные шедевры, сплошь и рядом по принципу – «когда б вы знали, из какого сора...». Да вот хотя бы пример этой статьи, как будто проходной, не опубликованной – но на формулировку насчет «мутантов-выродков» все обратили внимание? До «Обитаемого острова» еще почти пять лет.

А «Понедельник» состоялся несколько месяцев назад – и впечатления от визита Привалова за Железную Стену, как видим, совсем свежи.

Автор выражает глубокую благодарность группе «Людены» в целом и Светлане Бондаренко в частности: без ее помощи не состоялась бы ни эта статья, ни сам раздел в сборнике, посвященный творчеству «неизвестных Стругацких».

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Современная зарубежная научная фантастика

Мы – на берегу великого бумажного океана современной зарубежной фантастики. Миллионы квадратных метров бумаги, хорошей и газетной, тысячи книг и журналов, толстых и тонких, иллюстрированных и без картинок, в твердых солидных обложках и в обложках мягких. На обложках рисунки – либо красивые и точные, как цветные фотографии; либо грубые и аляповатые, как дешевый лубок; нарочито наивные, как детские неумелые каракули, и совсем уж абстрактные – просто искусные наборы ярких цветных пятен.

Заголовки книг: «Человек, перевернувший Вселенную», «Изотопный человек», «Человек, продавший Луну», «Разрушенный человек», «Человек-парадокс», «Четверо с пятой планеты», «Запрещенная планета», «Скрытая планета», «Гибель на затерянной планете», «Саргассы Космоса», «Антимир», «Привет из Космоса»... Названия журналов и газетных приложений: «Фантастические рассказы», «Научно-фантастические приключения», «Космическая пыль», «Чудеса космических путей», «Галактика», «Научная фантазия», «Журнал фантазии и научной фантастики», «Журнал научной фантастики», «Поражающая научная фантастика», «Подлинная научная фантастика»...

Берем наугад один из журналов. На обложке – космический пират карабкается по трапу на борт космического лайнера; в правой руке у него лучевой (не иначе) пистолет, в зубах – логарифмическая линейка. В левом верхнем углу обложки – «Веселый Роджер», черный череп со скрещенными костями. Содержание: повесть с продолжением «Пираты Эрзатца», рассказы «Кочегар и звезды», «Случайная смерть», «Недостающее звено». Это номер журнала «Поражающая научная фантастика» за май 1959 года, издание англо-американское...

Берем другой журнал. Красивая, но – увы! – совершенно абстрактная обложка: кучки красно-желтых зерен на синем фоне. Рассказы и повести американских фантастов Хайнлайна, Тенна, Гамильтона; рассказ французского писателя Андре Моруа; рассказ японского фантаста Мицусэ; рассказ братьев Стругацких. Открытое письмо японского фантаста Комацу Ивану Ефремову. Большая статья Артура Кларка «Облик грядущего» (печатается с продолжением) ... Это японский «Журнал научной фантастики» за ноябрь 1963 года.

Обратимся к книгам. Как правило, это «покетбуки» – небольшие книжечки, легко помещающиеся в кармане пиджака или в дамской сумочке. Обложки у них яркие, гляцевитые, но сшиты они (вернее, склеены) на живую нитку и быстро разваливаются по листочку. Каждый томик – это либо отдельное крупное произведение, либо сборник рассказов и маленьких повестей, либо даже (в издании «Эйс-бук») два отдельных романа разных авторов, помещенные друг по отношению к другу вверх ногами и соединенные последними страницами (так, как правило, объединяются произведения популярного писателя и произведение писателя нового, еще мало известного).

Почти все романы, повести и рассказы, изданные отдельными томиками, впервые увидели свет в периодической печати. Составление сборников поручается известным писателям-фантастам, известным критикам или известным любителям – энтузиастам фантастики. Большею частью это сборники произведений, удостоенных специальных литературных премий или победивших на каком-либо конкурсе; это также сборники произведений, которые кажутся составителю лучшими из опубликованных в журналах за какой-то отрезок времени. Бывают и тематические сборники, объединяющие, например, лучшие рассказы о «мыслящих машинах», о Венере, о чудовищах и так далее.

О литературе судят по ее лучшим образцам, а не по неудачам и халтуре, поэтому в нашем обзоре мы постараемся держаться отдельных книг, а не журнальных изданий. Но мы все время помним, что умные, честные и талантливые произведения Брэдбери, Азимова

и других зарубежных фантастов, известные советскому читателю и получившие заслуженно высокую его оценку, появились впервые именно в этих «поражающих, подлинных, изумляющих» журналах и приложениях, сплошь и рядом в неприятном и диком соседстве с макулатурой, халтурой и спекуляцией на низком художественном вкусе. И прежде чем приступить к разговору о «большой» зарубежной фантастике, хочется привести хотя бы один пример типичного фантастического чтива, которого много и очень много за рубежом.

Вот номер журнала «Изумляющие рассказы» за ноябрь 1958 года. На обложке запечатлен грустный момент из биографии некой прекрасной блондинки, повстречавшейся с чудовищным муравьем слоновьих размеров. Это иллюстрация к рассказу «Ужас в наследство». Героиня рассказа очаровательная Холли Кендэл мчалась на своем роскошном авто через вермонтскую пустыню, чтобы посетить лабораторию своего отца, скончавшегося недавно при загадочных обстоятельствах. Муравей обращает ее в бегство, она бежит, обезумев от ужаса, и попадает в объятия красивого молодого человека, который, оказывается, уже целый месяц ищет этих самых ужасных жуков. «Я вообще-то работаю помощником профессора в университете. Мое ремесло – английская литература, но в свое время я на всякий случай снабдился еще и дипломчиком по энтомологии. И как только я подцепил слушок о том, что в этих местах водятся громадные пауки и прочая дрянь, я немедленно бросился сюда». Не сходя с места молодой человек предлагает Холли пожениться, упомянув, что зарабатывает 5120 долларов в год. Ознакомившись в отцовской лаборатории с записками покойника, Холли узнает, что отец нашел способ произвольно перемещать души из одного тела в другое. Не исключена поэтому возможность, что муравей так разросся из-за того, что в него вселили душу лошади. Потом выясняется, что молодой человек на самом-то деле – отец Холли, переселившийся в чужое тело. В глазах этого составного джентльмена появляется маниакальный блеск, он пытается убить Холли, но тут его зажаливает до смерти гигантская пчела. Безутешная девушка порывается сжечь отцовские записи, однако вовремя появившийся добрый священник разъясняет ей, что работу покойного ученого надлежит продолжить, ибо всякое открытие приближает людей к богу. На этом рассказ и заканчивается.

Подобных рассказов много. На тысячах хрупких страниц третьесортной бумаги профессора-одиночки, обезумевшие от ненависти к человечеству и поразительно безграмотные, создают ужасные средства разрушения; агенты галактических империй, мускулистые парни со стальными глазами и интеллектом овчарки разоблачают заговоры злоумышляющих мутантов-выродков; девы с длинными стройными ногами и густо накрашенными губками отчаянно отбиваются от жадных щупальцев и клешней инопланетных чудовищ; гремят атомные пистолеты, обугливаются тела, рвутся ядерные бомбы, перерезаются глотки из-за соковыищ, оставленных исчезнувшей цивилизацией; несутся в однообразной карусели отважные космические капитаны в обнимку с кровожадными ведьмами, кибернетическими вампирами и роботами-бунтовщиками. И все это – макулатура, тонны растроченной бумаги, дорожное чтиво, слишком беспомощное, чтобы быть литературой, и слишком злокозненное, чтобы казаться детской забавой, написанное натужно-крикливым языком провинциальных газет, беспрерывно повторяющее самое себя, словно заигранная пластинка. Соответствие этому есть в любом виде литературы, не только в фантастике, оно было, есть и будет, пока существует читатель, готовый выложить медный пятак за часок мозговых сумерек, а такой читатель будет существовать, пока есть социальное устройство, которому выгодно, чтобы мозг человеческий пребывал в сумерках.

Мы не будем больше говорить здесь о макулатуре и дряни, о глупой лживой пропаганде и литературных поделках, потому что настоящая фантастика – это литература в самом полном смысле этого слова – вид творчества, отражающий действительность, идеи, проблемы в художественных образах, и такая фантастика за рубежом есть и имеет представи-

телей с мировым именем, людей, безусловно, честных, прогрессивно мыслящих, талантливых. О них дальше и пойдет речь.

Голд, издатель «Галактики», одного из самых популярных и самых разборчивых журналов научной фантастики в США, утверждает, что по старым фантастическим произведениям можно составить сегодня гораздо более ясное представление о времени, когда они писались, чем по старым же произведениям обычной литературы. По мнению Голда, именно НФ, а не обычная литература дает наиболее четкое представление о чаяниях, надеждах, страхах, тенденциях, недостатках и устремлениях своей эпохи.

Это, конечно, преувеличение, простительное, впрочем, для такого энтузиаста, каким является Голд. Однако рациональное зерно в его утверждении все-таки есть. Это рациональное зерно заключается в фундаментальной идее, дающей ключ к пониманию сути фантастической литературы: фантастика не есть литература пророчеств и предсказаний, фантастика – это прежде всего литература о настоящем. Перенесение действия в будущее, более или менее отдаленное, не есть самоцель для фантаста, а только лишь прием, позволяющий ему выделить объект рассмотрения в чистом виде. Это своего рода увеличительное стекло для рассмотрения намечающихся в обществе сдвигов, течений мысли, направлений, могущих иметь для человечества первостепенное значение. Фантастика – это не загляд в будущее, а зеркало настоящего. Разумеется, не обыкновенное плоское зеркало. Как и у сатирической литературы, у фантастики свои законы отражения мира, она подчеркивает что-то одно и приглушает другое, чтобы несущественное не закрывало, не маскировало главного, но действительность она изображает верно, и недаром видный английский критик и писатель Кингсли Эмис советует марсианским разведгруппам, высадившимся на Земле, приниматься за составление отчетного доклада только после основательного ознакомления с хорошими научно-фантастическими произведениями.

Из такого понимания смысла зарубежной фантастики вытекает и ее главное содержание: сомнение и протест. Большинство современных авторов-фантастов – передовые люди своего времени. Фантастическая литература несет на себе отчетливый отпечаток прогрессивности, непримиримости к установившемуся положению вещей, ко всему реакционному, тупому, жестокому, античеловеческому. Вот почему можно смело сказать, что зарубежная фантастика в лучших своих книгах неустанно борется за изменение действительности, снова и снова атакует то, что называется западным образом жизни: милитаризм, политиканство, индивидуализм, пошлость, мещанство.

Весьма характерно в этом отношении творчество молодого американского фантаста Роберта Шекли. Он получил признание после опубликования первых же рассказов. Критика отмечала, что за последние годы никому еще не удавалось так стремительно вырваться в первые ряды литературы. Этим возвышением Шекли обязан своему яркому и живому воображению, способности создавать острые сюжеты, да и сильному литературному дарованию. Но главное, пожалуй, было в том, что самые неправдоподобные положения, в которые Шекли ставил своих героев, всегда, так или иначе, напоминали читателю реальные, привычные до незаметности явления окружающей действительности. В фантастическом мире Шекли переселенцы на подержанных ракетах улетают на необжитые астероиды; закон разрешает свободную охоту на людей; в увеселительном тире мишенями для стрельбы из автомата работают живые веселые девушки; колонисты на далекой, всеми забытой планетке связывают цивилизацию исключительно с представлениями о тюрьме, полиции, преступниках; и практические люди, деловые люди крайне озабочены тем, чтобы даже в мире без войн находили себе удовлетворение самые темные, самые зверские инстинкты человеческой натуры. Перевернув последнюю страницу, читатель с новой болезненной отчетливостью видит то, что уже примелькалось, забылось: безработного, путешествующего по стране в стареньком «фордике»; гангстеров, торгующих наркотиками и смертью; и конечно, прак-

тических людей, деловых людей, озабоченных обеспечить молодежи заморские прогулки с автоматом наперевес... Почти каждый рассказ Шекли – это воззвание: «Думай! Оглянись во гневе!» Последняя фантастическая повесть Шекли «Странствия Джона» является уже прямой, неприкрытой сатирой на современную Америку. Простодушный наивный юноша Джон, провинциал, островитянин с Южных морей, духовный потомок вольтеровского Кандида, приезжает в США искать высшие истины. Ему пришлось многое пережить. Его обвиняют в коммунистическом шпионаже и чуть не казнят. Он встречается с полицейским, бывшим гангстером, который расстреливает прохожих за нарушение правил уличного движения. Он попадает к ученым-утопистам, создавшим счастливую колонию, нечто вроде сельской общины, однако вскоре выясняется, что для того, чтобы эта колония, эта пасторальная идиллия могла существовать, необходимо кибернетическое чудовище, которое несколько раз в год совершает нападение на деревни и убивает колонистов. В конце концов Джон попадает в лапы американской военщины и совершенно случайно становится причиной военного столкновения, погубившего человечество.

Вообще следует заметить, что у лучших зарубежных фантастов, при всем разнообразии характеристик прочих персонажей, политикан и генерал – всегда фигуры отрицательные, внушающие ненависть, презрение и отвращение. В рассказах и повестях мир или страну ставят на грань катастрофы продажные сенаторы, корыстные политические боссы, тупицы военные, презирающие народ, ненавидящие ученых, преследующие свои эгоистические цели.

Большое место занимает в зарубежной фантастике и философская проблематика. Фантасты увлеченно рассматривают вопросы о соотношениях между судьбами человечества и индивидуальным пониманием того, что для людей хорошо и что плохо; между современной моралью и этикой и новыми, неожиданными поворотами истории; между присущим человечеству стремлением к открытиям и постижению природы и устоявшимся буржуазным мировоззрением. Они строят разнообразные модели социальных систем и прослеживают поведение в этих системах человека, наделенного лучшими моральными и этическими качествами нашего времени. Разумеется, поскольку и эти модели не могут не нести на себе отпечаток окружающей автора действительности – мы уже говорили об этом, – автор зачастую приходит к довольно мрачным выводам. Вот как объясняет это один из гигантов американской фантастики Айзек Азимов: «...советская фантастика... описывает общество, совершенно отличное от нашего... Но для человека, привыкшего смотреть на вещи с американской точки зрения, оптимистическое видение современного общества неприемлемо. Я использую фантастику для критики общества. Так же поступают, в общем, и все другие американские фантасты. Мы считаем, что поразительные достижения современной науки могут привести к уничтожению человечества. А вот советская фантастика оптимистична. Она полагает, будто прогресс науки рано или поздно приведет человечество к огромному расцвету. Мы думали так лет пятьдесят назад. Я тоже раньше был таким же оптимистом. Но сейчас я познал ужас перед тем, что создает наука».

Заметим в скобках, что, совершенно правильно определив оптимизм как отличительную черту советской фантастики, Азимов ошибся в истоках этого оптимизма. Советская фантастика никогда не полагала, будто прогресс науки сам по себе приведет человечество к процветанию. Советская фантастика всегда утверждала, что все дело в том, в чьих руках наука находится. Но это между прочим. Проблеме соотношения между человеческой историей и свободой человеческой воли посвящен наиболее значительный роман А. Азимова «Конец Вечности».

Группа ученых, открыв способ выходить за пределы трехмерного мира и свободно передвигаться по времени, основывает организацию «Вечность», которая ставит перед собой задачу «организовывать» историю грядущих поколений. «Вечность» различными спо-

собами препятствует возникновению в будущей истории – ведь работникам организации всегда известно будущее – страшных и мучительных эпизодов: атомных и космических войн, эпидемий, фашистских диктатур и пр. Она сотни и тысячи раз перекраивает будущую историю, вызывает к жизни, изменяет и истребляет без следа мириады судеб, событий и явлений. И вот герой романа вдруг осознает, что «Вечность» сама, по сути дела, является тираном, худшим из возможных диктаторов, ибо самочинно, ни с кем не считаясь, ворочает судьбами миллиардов людей в сотнях тысяч поколений. Организация, призванная благодетельствовать человечество, оказалась в положении худшего из его врагов. И герой романа восстает против организации. Решившись, он отправляется в прошлое и уничтожает лабораторию, в которой создавалась аппаратура для выхода из пространства-времени. «Вечность» исчезает. Человек снова сам распоряжается судьбой планеты. На это имеет право только все человечество целиком и ни на человека меньше, – таков вывод романа.

Азимов – один из наиболее известных и плодовитых писателей-фантастов США. Диапазон его литературных интересов огромен. Он и автор превосходных научно-популярных книг по биохимии, и автор замечательного цикла рассказов о роботах, где в гротескном стиле анализируется современный мир человеческих отношений, и автор рассказов о научных парадоксах; и даже автор «космическо-ковбойских» романов, которые – что уж греха таить – отделяемы от макулатурного чтива лишь юмором и блестящей фантазией.

Огромными фигурами, имеющими непреходящее значение не только для мировой фантастики, но и для литературы в целом, выступают американец Рэй Брэдбери и поляк Станислав Лем.

Несколько лет назад американский писатель и критик Ирвинг Стоун заметил, что сейчас, после смерти Т. Вулфа, У. Фолкнера и Э. Хемингуэя, в США осталось всего двое «почти гениальных» писателей: Сэлинджер и Брэдбери. То, что имя фантаста ставится в один ряд с именами великанов современной большой литературы, не случайно. В большой мере это определяется творческой позицией самого Брэдбери. «Хороший писатель, – заявил он, давая интервью американскому журналу «Шоу», – строит свои произведения из чувства. Называйте его, как хотите: чувством необходимости, ощущением голода, возбуждением, высоким наслаждением, радостью, которая зарождается на дне души, переполняющим сердце очарованием. Он живет, вернее, должен жить жаром своего сердца... Лучшую фантастику пишет тот, кого при виде отвратительных проявлений в нашем обществе охватывают беспокойство и гнев». Беспокойством и гневом пронизаны произведения «надежды и славы Америки», и недаром фашистские организации посылают ему анонимные смертные приговоры, угрожая расправой, и недаром фашисты в разгар последней предвыборной кампании, когда рвался к власти Голдуотер, сожгли его дом.

Брэдбери написал шесть сборников рассказов, роман-утопию «451 градус по Фаренгейту», биографическую повесть о детстве «Вино из одуванчиков» и повесть-сказку «Надвигается беда». Своеобразен и неповторим литературный стиль Брэдбери, как и своеобразно и неповторимо он использует в своих произведениях фантастический прием. Страшные рассказы о современной Америке чередуются с испуганными мечтами о счастье грядущих поколений, за мрачными фантазиями-предостережениями следуют странные, полные очарования грезы об освобожденном человеке. Наука, научные данные играют для него очень небольшую роль. Иногда не играют никакой роли. Вот, например, что пишет о его цикле «Марсианские хроники» известный советский исследователь мировой фантастики и писатель Кирилл Андреев: «Марс Брэдбери – не астрономический, поэтому ему и не так важно, что сведения об этой планете, которые мы можем получить в «Марсианских хрониках», не всегда совпадают с данными современной науки. Больше того, в одних рассказах каналы заполнены кристально чистой водой, в других они давно высохли, иногда в городах живут марсиане, иногда – это мертвые города, где жители погибли много тысяч лет назад. Да и сами

марсиане каждый раз совсем другие: то похожие на кузнечиков и пьющие огонь, то совсем похожие на людей, то странные существа, способные принимать любой облик».

Вероятно, самым значительным произведением Брэдбери является утопия «451 градус по Фаренгейту». Правда, если понимать под утопией мечту о будущем, то слово это в данном случае не годится. Во-первых, эта повесть явственно выражает не мечту, а опасение писателя. Во-вторых, речь в ней идет не столько об ужасном будущем, сколько о зловещих тенденциях настоящего. «451 градус по Фаренгейту» – зеркало настоящего, в гиперболизированном виде отражающее отвратительные явления в современном американском обществе, которые вызывают у автора беспокойство и гнев.

Название повести символично: 451 градус по Фаренгейту – это температура, при которой воспламеняется бумага. Температура, при которой вспыхивают книги. Температура, при которой уничтожаются без следа все искания ума и чувств, накопленные за тысячелетия долгой и тяжелой истории человечества. «451» – это своеобразный символ общества, созданного воображением и беспокойством талантливого писателя. Если в этом обществе у кого-нибудь обнаруживается книга, в дом этого человека немедленно вламываются «пожарники», быстрые и умелые люди в касках, на которых выведено «451», с топориками, крючьями и огнеметами и уничтожают огнем эту книгу вместе с домом, а при случае – и вместе с владельцем книги. Брэдбери описывает общество людей без мысли, людей-роботов, людей, не знающих ни идей, ни любви, ни искусства. Они с безумной скоростью носятся в автомобилях по великолепным автострадам, они проводят часы перед экранами чудовищных телевизоров, они неграмотны, они живут рефлексам, они стандартны и чудовищно одинаковы. Устойчивость, сохранность этого общества зиждется именно на этой стандартности, на неспособности его членов думать и чувствовать. Книга для такого общества – смертельная опасность. Книга – это мысль, а мысль – это критическое отношение к действительности. Книга – это поэзия, а поэзия – это чувства, эмоции, нетерпимость к стандарту, тоска по любви и по искусству и опять же критическое отношение к действительности. Вот почему днем и ночью бодрствуют страшные пожарники, носятся по городам с ужасающим воем сирен их жуткие машины, плюются жидким пламенем огнеметы и сжигают, сжигают, сжигают бумагу, рукописи, книги до последнего клочка. Этому обществу противопоказана культура, противопоказано творчество, противопоказан Человек. За Человеком гонятся по улицам с чудовищным Механическим Псом: настигнув несчастного, Механический Пес погружает в него жало-шприц, наполненный новокаином... Но несмотря на преследования, несмотря ни на что, даже в этом обществе есть настоящие люди. Они скрываются в лесах. Они заучивают наизусть гениальные творения прошлого, они ждут и надеются, что придет время и их знания понадобятся возрожденному человечеству. А когда в пламени новой атомной войны взлетают в воздух и рассыпаются в прах города, они знают, что это не конец, а начало возрождения.

«Брэдбери близок нам тем, что он всегда вместе с лучшими людьми Америки в ее прошлом, настоящем и великом будущем. Он верит в демократию, верит в то, что свет победит тьму, добро сокрушит зло и подлинная наука победит изуверов от науки, готовящих термоядерную смерть всему человечеству. Огнеметам пожарников, уничтожающих книги, Брэдбери противопоставляет пламя человеческой мысли, подобное словам, сказанным Латимером Николасу Ридли, когда их, борцов за свободу человеческой мысли, сжигали заживо в Оксфорде в 1555 году: «Мы зажгли сегодня в Англии такой факел, который, я верю, им не погасить никогда!»¹

Вторым гигантом современной зарубежной фантастики является польский писатель-коммунист Станислав Лем.

---

¹ К. Андреев «Фантастика Рэя Брэдбери». (Прим. авт.)

Лем – профессиональный писатель, профессиональный ученый и философ, человек с широкой эрудицией и широким кругозором, с богатейшей фантазией и незаурядным писательским дарованием. И кроме того, Лем – человек, глубоко и искренне заинтересованный судьбами мира, будущим человечества. Он пишет много и хорошо, и разнообразно. Из-под его пера выходят большие серьезные повести и романы, трактующие большие и серьезнейшие философские проблемы; блестящие рассказы-юморески; рассказы-парадоксы, воплощающие в странных гротескных образах отвлеченнейшие научные и философские понятия; диковинные сказки; остроумные и веселые телевизионные сценарии; философские и социологические трактаты; сатирические и памфлетные произведения. Лем неожиданен. Он озадачивает читателя, вступает в ожесточенную борьбу с его установившимися представлениями, на страницах его книг незначительные, далекие – казалось бы! – от жизненных интересов вопросы вырастают в гигантские проблемы, от решения которых зависит судьба мира, с ним можно не соглашаться, против его утверждений и выводов можно протестовать, но не задуматься над ними невозможно. Лем воспитывает мысль, стремление к анализу, порыв к непознанному, и вместе с тем картины лучших страниц его вещей невероятно достоверны, зримы, почти ощутимы. И не потому ли советские космонавты Феоктистов и Егоров называют его в числе любимых своих авторов?

Впервые в фантастике Лем выступил в 1950 году с повестью «Астронавты», где описывается экспедиция международного экипажа на Венеру. Уже в этой повести выявились некоторые характерные особенности творчества Лема: способность мастерски описывать гротескные, невероятные детали фантастических миров, стремление к философским и социологическим обобщениям, склонность к высокому трагизму и к утверждению бесконечности непознанного. В 1955 году вышел его большой роман «Магелланово Облако», в котором он попытался дать широкую красочную картину коммунистической Земли XXIII века и описал первую звездную экспедицию к Проксиме Центавра. Любопытно, что почти одновременно в Советском Союзе вышел ныне всемирно известный роман-утопия И. Ефремова «Туманность Андромеды». Оба романа посвящены описанию коммунистического общества, но если книга Ефремова является воплощением в образах идей философии марксизма-ленинизма, художественной системой глубоко продуманных и доведенных до логического завершения современных представлений научного коммунизма, то «Магелланово Облако» обращено скорее к психологии людей будущего и построено еще по канонам старой фантастики, сильно злоупотреблявшей сюжетной, приключенческой стороной дела.

Наиболее сильными произведениями, выдвинувшими Лема в первые ряды мировой фантастики, явились «Звездные дневники Ийона Тихого», «Солярис» и «Возвращение со звезд».

«Звездные дневники» – это цикл юмористических и сатирических рассказов, написанных в виде записок и откровений «космического барона Мюнхаузена», «знаменитого звездодоходца, капитана дальнего галактического плавания, охотника за метеорами и кометами, неутомимого исследователя, открывшего восемьдесят тысяч три мира, почетного доктора Университетов Обеих Медведиц, члена Общества по опеке над малыми планетами». Памфлет и веселая юмореска, пародия и политическая сатира, насмешка над глупостью и косностью и похвальное слово острому уму, и все это на общем фундаменте блестящей богатейшей фантазии, поразительной способности к словотворчеству, смелого отрицания литературных канонов – вот что представляют собой «Звездные дневники», и недаром имя Ийона Тихого стало у нашего читателя фантастики чуть ли не нарицательным.

«Солярис» является большой повестью и посвящен одному только тяжелому эпизоду работы станции-обсерватории на Солярисе, странной планете двойной звезды. Солярис покрыт Океаном, слоем желеобразной материи со странными свойствами. Выясняется, что Океан – это исполинская масса живой разумной материи, единый разумный организм,

и проявления его разумной деятельности при попытке людей войти с ним в контакт оказались столь ужасны, что поставили экипаж станции на грань сумасшествия. Только огромная сила воли, выдержка и душевное здоровье героев позволили им сохранить разум. Контакт оказался невозможным, слишком чуждыми оказались друг другу люди Земли и чудовищный Океан. Вселенная бесконечна в своем разнообразии, люди в своей экспансии к звездам столкнутся с явлениями, психологически чуждыми и безразличными к ним, и целью экспансии тогда станет не приспособление чуждых миров к человеческой психике, а самоутверждение человечества – такова главная мысль этой великолепной повести. Она сложна философски, и не во всем ее идеи могут быть понятны для неподготовленного читателя, но даже внешний ее сюжет не может не захватить и не поразить воображения.

Что же касается «Возвращения со звезд», то в этой повести Лем выразил свои опасения за будущее человечества, если оно пойдет по американскому пути развития, по пути, отодвигающему на третий план духовный рост членов общества и принимающему во внимание лишь материальное благополучие человека. Этот путь непременно заведет человечество в тупик, утверждает Лем. Не будет у такого человечества ни героев, ни мыслителей, ни подлинного искусства. И настоящему человеку, попавшему в такой мир, не будет там места. Ему останется только либо покинуть его, либо приспособиться, стать нищим духом. Интересны и другие произведения Лема: например, «Непобедимый», повесть о мужестве и высоком духе людей, столкнувшихся с небывалым (эта повесть в какой-то мере, но упрощенно повторяет мотивы «Соляриса»); цикл рассказов о космонавте Пирксе, сначала курсанте школы космолетчиков, затем пилоте патрульного корабля, затем работнике лунной базы, простодушном увальне, обнаруживающем необычайную силу воли и сообразительность только в минуты смертельной опасности; превосходные пьесы о профессоре Тарантоге, друге Ийона Тихого, неугомонном изобретателе невероятных приборов и механизмов. Неистощимая фантазия и огромное беспокойство мысли Станислава Лема подарят литературе еще немало замечательных произведений.

Обзор зарубежной фантастики был бы неполным, если не остановиться, хотя бы бегло, еще на трех авторах. Речь идет о японце Кобо Абэ и англичанах Джоне Уиндеме и Артуре Кларке.

Научной фантастики до Второй мировой войны в Японии не существовало. В пятидесятых годах появились первые фантастические повести для детей молодого астронома Сэгавы, но при всей своей прогрессивной направленности они были очень литературно несовершенны. Любители фантастики в Японии пробавлялись американской литературой и случайными подражаниями американцам своих авторов. Датой рождения, собственно, японской, национальной фантастики следует считать 1958 год, когда в одном из солидных литературных журналов появилась повесть известного японского прозаика Кобо Абэ «Четвертый ледниковый период». Видимо, это произведение будет считаться в Японии классическим, а Абэ удостоится звания «отца японской фантастики».

Крупный специалист по электронно-счетной технике профессор Кацуми создает машину-предсказатель, способную на основании введенных в нее данных о состоянии какого-либо объекта или целого мира предсказывать состояние этого объекта или целого мира на любой момент времени в будущем. Между тем на нашу планету надвигается катастрофа: кончается четвертый ледниковый период, начинается эпоха чудовищных геологических потрясений, на дне Тихого океана лопается земная кора, и массы сжатого водяного пара устремляются наружу, медленно и неуклонно повышая уровень мирового океана. Об этом знают только правительства, но, кроме того, о предстоящем затоплении суши знает и одна тайная организация в Японии, которая, стремясь сохранить человечество, готовится перевести его под воду: создает людей-амфибий, направляя, соответственно, развитие человеческих зародышей. Чтобы узнать судьбу этого исполинского предприятия, организа-

ция обращается к помощи машины-предсказателя. Машина демонстрирует им удивительные картины будущего планеты. Огромные города на дне океанов, новая, совершенно иная культура, новая психология, новые, чуждые современному человеку интересы. Профессор Кацуми, талантливый ученый, но безнадежный мещанин и обыватель по натуре, убежденный, что капиталистическая действительность его времени непоколебима, не выдерживает критики. Не приняв иного будущего, чем пассивное продолжение настоящего, он вынужден уйти из жизни. В такой гротескной форме Абэ утверждает неминуемую гибель буржуазной культуры и наступление нового, совершенно иного образа жизни. Характерно, что в повести всемирный потоп заливал все материки, за исключением Советского Союза: СССР, подразумевает Кобо, уже и без внешних воздействий вступил на другой путь развития.

В Англии большой известностью и огромным успехом пользуются писатели-фантасты Джон Уиндем и Артур Кларк. Джона Уиндема критика называет современным Уэллсом. Действительно, яркая образность, огромная эмоциональная насыщенность и великолепная фантазия Уиндема вполне сравнимы с литературными достоинствами великого английского фантаста. И хотя Уиндем в отношении философской и социологической проблематики ничего нового по сравнению с Уэллсом не внес, его великолепные и мрачные утопии «Кракен пробуждается» (о войне между человечеством и неизвестными пришельцами из космоса, поселившимися на дне океанов), «День триффидов» (о катастрофе, постигшей человечество – все люди внезапно ослепли, – и о борьбе против жутких движущихся растений) и другие получили заслуженную известность как в самой Англии, так и за ее пределами. Пафос произведений Уиндема состоит в утверждении того, что даже находясь на грани гибели, даже оказавшись в самом отчаянном положении, человек будет бороться и, несомненно, победит.

Артура Кларка можно без натяжек назвать современным Жюлем Верном. Он единственный из зарубежных фантастов сознательно ставит перед собой задачу добросовестно, не отклоняясь ни на йоту от духа и буквы современных научных знаний, рисовать правдоподобные картины ближайшего будущего человечества. Особенно интересуют его ближайшие перспективы завоевания космического пространства и освоения планет Солнечной системы: на эту тему он написал серию научно-фантастических очерков, а также отличные повести «Пески Марса», «Прелюдия к космосу», «Лунная пыль». Изучает он средствами фантастики и проблему дальнейшего освоения нашей собственной планеты. В романе «Бездна» он описывает деятельность предприятий, занятых океанским животноводством и океанской агрономией. Отважные «пастухи» на подводных лодках пасут китов, перегоняют их с одного планктонного пастбища на другое, охраняют их от хищников; а грандиозные предприятия, объединяющие в себе бойни и мясокомбинаты, непрерывно перерабатывают поступающие к ним китовые стада на мясо, костную муку, различные виды жиров и выделанные кожи. Роман «Бездна», пожалуй, является самым удачным произведением Артура Кларка.

В современной зарубежной фантастике много хороших имен, и нет возможности перечислить всех заслуженных авторов. К фантастике обращаются и крупные писатели-нефантасты, как, например, Говард Фаст, Веркор, Джон Пристли, Э. Триоле. Зарубежный да и наш читатель знаком с именами американцев Саймака, Лейнстера, Оливера, Брауна, Пола, Корнблата, Нортонна, англичан Тенна и Кристофера, японцев Комацу, Мицусэ, Хоси, поляков Боруня и Фиалковского, француза Карсака, румынов Штефана и Нора, чехов Несвадьбы и Бабулы и других.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий «Погружение у рифа Октопус»²

Они явились рано утром, на седьмой день после того, как «Онекотан» вышел из Шанхая. В дверь постучали, Александр натянул халат и сказал: «Можно», и они втиснулись в каюту: сначала высокий худощавый, очень загорелый человек в белом тропическом костюме, за ним румяный, плохо выбритый толстяк в мятом плаще.

– Здравствуйте, – сказал худощавый.

– Товарищ Костиков? – осведомился толстяк, выдвигаясь из-за плеча худощавого.

– Костылин, – поправил Александр. – Здравствуйте.

– Командир отряда батискафов? – уточнил толстяк.

– Да, – сказал Александр. – А вы, вероятно, представители?

– Инженер Дудник Виктор Андреевич, – сказал худощавый. – ЦНИИ Гидромаш.

Александр пожал руку Дуднику.

– Планетолог Царев, – сказал толстяк. – Позвольте. – Он отодвинул инженера. – Геннадий Васильевич Царев. ИПИП. Институт Планетографии и Планетологии.

Александр пожал руку и Цареву.

– Мы прилетели на турболете, – сообщил толстяк и плюхнулся на койку. – Это ничего, что я так бесцеремонно?

Александр сказал, что это ничего, усадил инженера в откидное кресло и сел рядом с толстяком. Толстяк пыхтел и вытирал лицо огромным белым платком. Инженер сидел очень прямо, глядя перед собой и выпятив челюсть. Кресло было низкое, и колени инженера, обтянутые узкими брюками, угрожающе торчали вверх и вперед, как стартовые штоки турбоскаутов.

– Слушаю вас, – сказал Александр. Он еще не успел умыться и почистить зубы.

– Видите ли... Э-э-э... – сказал толстяк.

– Костылин Александр Сергеевич.

– Да-да, простите. Так вот, Александр... э-э... Сергеевич. Мы, собственно, должны вами руководить. Но это пустяки. Вы не отчаивайтесь. Мы в ваших подводных делах ничего не понимаем. Во всяком случае, я ничего не понимаю. Так что вмешиваться в вашу работу мы не собираемся. Только вы уж помогите нам. Вы ведь в курсе дела?

– Почти, – сказал Александр.

– Коротко говоря, речь идет о том, чтобы исправить просчет неких инженеров из Гидромаша...

– Или планетографов из ИПИПа, – сказал громко инженер, глядя перед собой.

– Э-э... из Гидромаша и спасти плоды четырехлетней работы.

Он стал рассказывать. В связи с тем, что Совет Мира перебросил большую часть межпланетного флота на обслуживание периферийных станций, подвижные планетологические базы ИПИПа остались без пилотируемых транспортных средств. В спешном порядке были разработаны системы автоматической транспортировки. Три декады назад база «Бамберга» отправила в сторону Земли фотонный автомат с образцами рудных и самородных ископаемых. Автомат благополучно прошел по заданной траектории около миллиарда километров («в сложнейших условиях, Александр... э-э-э... Степанович! Оверсаном!...»), достиг зоны, контролируемой постами телеуправления, был выведен на возлеземную орбиту в первой зоне и в точно заданный момент сбросил грузовой контейнер. Контейнер упал в точно задан-

² Новелла входила в первоначальный состав цикла «Полдень, XXII век».

ном месте – в ста милях к северу от рифа Октопус, куда за ним своевременно вышли спецсуда. Но спецсуда не нашли контейнер. Он затонул. Он затонул, потому что не сработали надувные понтоны, которые должны были обеспечить ему плавучесть, а понтоны konstruировал ЦНИИ Гидромаш (инженер Дудник попытался было сказать что-то про «товарищей из ИПИПа», но толстяк не остановился). Потеря двухсот тонн руды и самородков – иридий, осмий, уникальные образцы кристаллического никеля необычного изотопного состава – означает, что четыре года работы планетологической базы «Бамберга» затрачены впустую, что срывается глобальный план научно-исследовательских работ целого отделения Института Планетологии и Планетографии, и поставлен под угрозу авторитет всех трансмарсианских планетологических баз. («Александр... э-э-э... Софронович понимает, что Комитет Межпланетных Сообщений не станет выделять даже беспилотные средства для перелетов с э-э-э... неопределенным финишем».)

– Что я... э-э... хочу сказать? – сказал толстяк. – Что было бы хорошо, если бы контейнер удалось разыскать и... э-э-э... разыскав, поднять.

В общих чертах все это было уже известно Александру. Дело это ему не нравилось, хотя он понимал, что помочь межпланетникам совершенно необходимо. Самым скверным было то, что контейнер упал севернее рифа Октопус. Межпланетники могли бы выбрать место и получше. Район севернее рифа Октопус представляет собой подводное нагорье, покрытое километровой толщей глобигеринового ила и почти неизученное. Ущелья, пропасти, отвесные кручи, и все это под мощными пластами белесого ила, зыбкими и ноздреватыми, как манный пудинг. И все это на глубине от трех с половиной до четырех километров. У злосчастного контейнера были все шансы остаться там, где он сейчас находился.

– В Хабаровске нас заверили, – сказал толстяк, – что глубоководники сделают все возможное. Заверил лично товарищ... э-э-э... Зазывалов.

– Званцев, – сердито поправил инженер Дудник.

– Да-да, Званцев. Милейший человек. Николай... э-э... Да. Да.

Александр промолчал.

– Люди четыре года работали, – жалобно сказал толстяк, заглядывая ему в лицо. – За миллиард километров от Земли...

– Да нет, мы попробуем, конечно, – сказал Александр.

– Пожалуйста, – сказал толстяк. – Будьте добры. Все, что можно.

– Что представляет собой контейнер? – спросил Александр.

– Керамический бак, – сказал инженер. – Форма цилиндрическая. Длина – пятнадцать метров, диаметр – шесть метров.

– Керамический? Что значит – керамический?

– Огнеупорный керамик, – сказал инженер, – с маленьким удельным весом.

– Это плохо.

– Почему? – Они оба уставились на Александра.

– Давайте посмотрим, чем я располагаю, – сказал Александр. – Три БПГ. Восемь ТА. Один ТРР...

– Простите, – сказал толстяк. – Что это такое – бэпэгэ, атээр?

– БПГ – это батискаф предельных глубин. В отряде три батискафа предельных глубин...

– Вот оно что, – сказал толстяк.

– ТА – это тральщик-автомат. В отряде восемь тральщиков-автоматов. И один телевизионный робот-разведчик – ТРР. Оборудованы они очень хорошо, но чем искать огнеупорный керамик – я просто не знаю. Тем более что он наверняка зарылся в ил.

– А какое у вас оборудование? – спросил инженер.

Александр пожал плечами.

– Обычное. Проектора – ультрафиолетовые и ультразвуковые. Магнитные искатели...
– Ну и прекрасно, – сказал инженер. Толстяк посмотрел на него с надеждой. –

Там несколько десятков тонн никеля.

– Ага, – сказал Александр. – Это другое дело.

– Кроме того, много металла в системе управления понтонами. – Инженер посмотрел на толстяка и сказал ядовито: – Если только планетологи на Бамберге не забыли установить ее перед стартом.

– Не забыли, будьте покойны, – сказал толстяк.

– Ну еще бы, – сказал инженер. – У планетологов вообще превосходная память. Не правда ли, Александр... э-э-э... (он протянул это «э-э» с необычайным ехидством) ... Серапионович?

Толстяк взбеленился.

– Александр... э-э-э... товарищ Коростылев... э-э-э, простите – Костенко...

– Ладно, – недовольно сказал Александр. – Меня все-таки зовут Костылин Александр Сергеевич, и пойдемте завтракать. Только подождите – я умоюсь и оденусь.

Он умывался и одевался, а они все шипели друг на друга, деликатно понизив голоса до шепота. До Александра доносилось: «Почему-то раньше они всегда всплывали...», «... не разработали до конца, так нечего было предлагать...», «Моя фамилия Дудник, а не Дудкин!»

В столовой Александр представил их личному составу отряда. Кажется, инженер и планетолог произвели на ребят отличное впечатление. Инженер то и дело обращался к толстяку с разными просьбами, каждый раз называя его по-новому. В столовой раздавалось: «Будьте любезны, Геннадий Власович, передайте соусник», «Горчицу, пожалуйста, Влас... э-э-э Гермогенович», «Спасибо большое, Василий... э-э-э... Власович». Толстяк наливался кровью, а ребята развлекались вовсю. Наконец планетолог, чтобы отвлечь от себя внимание (инженер только что назвал его товарищем Водкиным), спросил штурмана Ахмета Баратбекова, правда ли, что глубоководникам постоянно приходится сталкиваться в океанских глубинах с необычайными чудовищами. За столом моментально стало тихо, и у Александра екнуло сердце.

– Приходится, – осторожно сказал Ахмет. – Бывает всякое.

– Куда ты дел панцирь того кальмара, Ахмет? – спросил Зайцев, оператор работа-разведчика.

На лице инженера появилась недобрая улыбка – он понял.

– Ба! – сказано Баратбеков. – Как! Ты не знаешь? Я, понимаешь, отвез панцирь к себе на дачу и устроил в нем, понимаешь, гараж для вертолета. У меня вертолет небольшой, четырехместный ВЛ-02. И понимаешь, какая неприятность. Его обгрызли кролики. Насквозь, понимаешь, проели.

Александр стиснул зубы и пнул Ахмета под столом ногой, но попал, кажется, в инженера, потому что инженер подскочил на месте и изумленно огляделся. А Ахмет продолжал с увлечением:

– Вот это было чудовище, понимаешь. Помнишь, Зайцев? Двумя громадными лапами захватил наш батискаф, понимаешь, и потянул, понимаешь, в пещеру. я даю всплытие! Но, понимаешь, корпус-поплавок конструировали в ЦНИИ Гидромаша, и всплытия, понимаешь, как всегда, нет...

Александр поглядел на окаменевшее лицо инженера и поспешно приказал заканчивать завтрак.

– Продолжайте, продолжайте! – сказал толстяк мстительно.

– В другой раз, – с сожалением сказал Баратбеков. – Служба, понимаешь...

Все поднялись из-за стола. Александр задержал Ахмета и, когда все вышли из столовой, дал ему пинка.

– За что? – осведомился он.

– За дискредитацию, – сказал Александр.

– Понимаешь, – проникновенно сказал Ахмет, – я просто не мог удержаться. Это было бы пятном на всей моей беспорочной биографии, если бы я удержался.

Весь день отряд готовил батискафы к погружению, а «Онекотан» со скоростью сорок узлов шел к рифу Октопус.

По-латыни «октопус» значит «осьминог», и риф Октопус вполне оправдывает свое название. В водах вокруг рифа водится много осьминогов – бородавчатых цирра таурна с телескопическими глазами и мясистой перепонкой между щупальцами. Но к северу от рифа, в районе, где упал контейнер, их оказалось еще больше. Осьминоги вообще любопытны, а цирра таурна дает в этом отношении сто очков вперед любому головному. Иногда казалось, что робот-разведчик плывет в супе с клецками – на телеэкране были видны только цирра таурна, десятки цирра таурна разных размеров и степеней упитанности. ТРР является полукибернетическим вертоплавом с двумя вертикальными винтами. Он оборудован телепередатчиком, магнитным искателем, системой манипуляторов и прожекторами – ультрафиолетовым и ультразвуковым. Вероятно, шум винтов и «крик» ультразвукового прожектора ассоциировался у цирра таурна с чем-нибудь съестным. Они надоедливо липли к роботу-разведчику, оглаживали его щупальцами и пробовали на зуб. Наконец Зайцев разозлился и ударил их электрическим током. Только тогда они потеряли интерес к вертоплаву и обиженно разбрелись в разные стороны. ТРР доставил на «Онекотан» несколько небольших экземпляров. Экземпляры часа два ползали по доковой палубе, злобно хватая людей за ноги, и возбуждали нездоровый восторг у толстого планетолога, который до сих пор видел осьминогов только на тарелках в китайских кафе. К счастью, у цирра таурна нет чернильного мешка.

Предварительная разведка подтвердила опасения Костылина. Визуальные и ультразвуковые средства были бессильны в сугробах полужидкого ила. Контейнер, увлекаемый скоростью падения, конечно, глубоко вонзился в ил, где его могли обнаружить только магнитные искатели. Им предстояло обследовать около тридцати квадратных километров сильно пересеченного дна, и Александр предложил капитану и представителям разделить район поисков на три концентрических участка. Центральным участком займутся два БПГ. Третий БПГ с тральщиками-автоматами будут искать в среднем участке, а внешний участок обследует с борта «Онекотана» телевизионный робот-разведчик. Такая расстановка средств давала значительную экономию во времени и, кроме того, обеспечивала непрерывную связь батискафов с «Онекотаном», так как дальность действия ультразвуковых передатчиков не превышала шести-семи километров.

Капитан не возражал, а представители были согласны на все. Костылин сейчас же вызвал в салон экипажи БПГ и операторов автоматических систем, объяснил задачу и приказал готовность к выходу из доков через пятнадцать минут. Экипажи разбежались переодеваться. Александр тоже переоделся и спустился на доковую палубу. У трапа его ожидал неприятный сюрприз. У трапа стояли с видом деловым и решительным планетолог Царев Геннадий Васильевич и инженер Дудник Виктор Андреевич. Они были в одинаковых синих шерстяных свитерах, черных шерстяных брюках и красных шерстяных колпаках. На них были одинаковые тяжелые ботинки на толстой микропористой подошве. Александр сразу все понял, и ему захотелось запереть их в якорный ящик. Стараясь быть очень любезным, Александр сообщил им:

– На дворе двадцать четыре градуса в тени.

Толстяк решительно хлопнул себя ладонями по круглому животу, обтянутому синей шерстью, и объявил:

– Прибыли в ваше распоряжение, Александр... э... Сергеевич.

– Свободны, – сказал Александр. Ему оставалось только действовать решительно.

– Что? – не понял инженер.

– Вольно, – объяснил Александр. – Можно разойтись и переодеться.

– Но позвольте, – сказал планетолог. – Мы считали, что поскольку груз послан в наш адрес, а в том, что он затонул, виноват Гидромаш...

Инженер с видом безразличного сожаления пожал плечами.

– ... и таким образом, мы оба в той или иной степени крайне заинтересованы в том, чтобы... э... принять, так сказать... э...

И тут Костылина осенило.

– Все это прекрасно, – сказал он по возможности мягко. – Но кто будет контролировать здесь, на «Онекотане» работу робота-разведчика?

– Робота-разведчика? – сказал планетолог.

– Да, телевизионного робота-разведчика, ТРР. Зайцев прекрасный оператор, но в конце концов он никогда в жизни не искал затонувшие контейнеры и может легко ошибиться. («Прости меня, Толя», – подумал Костылин.) Тем более что контейнер керамический.

– Ах вот как, – сказал толстяк.

– Да, действительно. Робот-разведчик, – глубокомысленно сказал инженер.

– Вы совершенно уверены, – сказал толстяк, – что мы не нужны там, внизу?

Александр кивнул. Вероятно, планетологу очень хотелось побывать там, внизу, и своими глазами увидеть необычайных чудовищ, но он только вздохнул и сказал:

– Ну что ж, в таком случае – счастливого пути, Александр... э-э-э... Сергеевич.

Он с сожалением поглядел на батискафы, кивнул и стал подниматься по трапу, топя тяжелыми башмаками. Инженер последовал за ним. Вид у него был очень озабоченный. Когда они уже поднялись на верхнюю палубу, до Костылина донеслось: «... и моя фамилия, повторяю, Дудник, а не Додиков...»

Александр подошел к своему БПГ, вскарабкался в рубку и по радиэфону приказал доложить о готовности. Штурманы и операторы доложили, что батискафы и тральщики к выходу готовы. Александр попросил центральный пост дать выход. Он всегда очень любил этот момент. Ворота доков поднялись, доковая палуба встала горбом, и батискафы, грузно покачиваясь, с шумом сползли в океан под горячее синее небо. Слева и справа, оставляя за собой пенные следы, вышли в океан тральщики-автоматы.

Современный батискаф предельных глубин – это могучая и надежная машина. На нем атомная силовая установка, обеспечивающая практически неограниченный запас хода; поворотные гребные винты, позволяющие передвигаться с любым наклоном; регенерационные устройства, делающие излишними запасы кислорода для дыхания. Гондола залита в пластматалл, выдерживающий давление до полутора тысяч атмосфер. Каплевидный сплюснутый с боков корпус-поплавок наполняется специальной несжимаемой смесью, с удельным весом 0,5, благодаря чему плавучесть современного БПГ не может упасть ниже нулевой. Вооружение батискафа составляют две электрические гарпунные пушки, торпедный аппарат, стреляющий анестезирующими бомбами, и несколько тралов-ловушек. Кроме того, БПГ оборудован довольно чуткими магнитными искателями для обнаружения массивных металлических предметов под слоем песка, ила и водорослей. Такие же искатели имеются на роботах-разведчиках и тральщиках-автоматах. На эти искатели Костылин возлагал все надежды, когда отряд начал прочесывать район падения контейнера.

Конечно, оказалось, что Костылин ошибся. Это была счастливая ошибка и, пожалуй, необходимая, ибо всем известно, что в рабочих уравнениях со многими неизвестными всегда следует предполагать самое сложное решение и настраивать себя на самый неблагоприятный исход. Контейнер вовсе не зарылся в ил, а застрял в узкой расщелине между двумя скалами на глубине двухсот метров, открытый всякому, кто бы пожелал взглянуть на него. Первым его заметил инженер Дудник и именно при помощи телевизионного робота-разведчика. Как потом выяснилось, он увидел через плечо Зайцева тусклый отраженный сигнал на экране ультразвукового прожектора, а затем и очертания огромного цилиндра на видеоэкране, но он никому ничего не сказал, потому что в это время «Онекотан» на всех парах спешил на отчаянные призывы штурмана Свирского. Свирский кружился в тучах взбаламученного ила над обвалом, похоронившим БПГ Костылина, и орал о катастрофе на весь Тихий океан. К счастью, Зайцев тоже увидел на видеоэкране блестящий цилиндр и немедленно, прямо на ходу сбросил над ним гидролокационный буй-маяк. Таким образом, контейнер был обнаружен вечером первого же дня поисков. Но группе Дальневосточного ЭПРОНа, присоединившейся к «Онекотану» на следующий день, пришлось поднимать сначала не контейнер, а БПГ командира отряда батискафов Костылина. Вот как это произошло.

Согласно плану поисков, центральный район участка, круг площадью в десять квадратных километров, получили два батискафа – Костылина и штурмана Свирского. Прежде всего они решили исследовать дно ущелья, прорезавшего нагорье примерно с северо-запада на юго-восток. Батискафы, как ленивые гиппопотамы, ползли на самых малых оборотах над беловатой студенистой поверхностью – впереди батискаф Костылина, за ним, уступом влево, батискаф Свирского. Илистое дно слегка фосфоресцировало (глобигериновый ил иногда фосфоресцирует, если в нем много органических остатков), поэтому придонная темнота была наполнена неопределенными тенями. Костылин даже угадывал в темноте крутые склоны ущелья по сторонам, временами гладкие, временами мохнатые от налипшего на них ила. Неприятное это было место, какое-то тесное, душное и в то же время удивительно пустынное. Обычно на такой глубине батискаф всегда плывет через «живую уху», но здесь ничего подобного не было. Стадо крупных цирра таурна увязалось за батискафами, но скоро отстало. В передний иллюминатор ткнулось плоское рыло трехметровой акулы и сейчас же исчезло. Яркие пятна прожекторов медленно ползли по пустому дну, изредка освещая острые рожки погонофор, которые мгновенно прятались при приближении подводных кораблей и невозмутимых морских ежей, утыканных редкими длинными иглами. Вот и все, что видели глубоководники: илистое дно, несколько погонофор, акул и осьминогов. Так прошло около часа.

Костылин передал управление Ахмету и встал, чтобы взять пробу забортной воды. Глубиномер показывал три девятьсот. Александр перешагнул через лежащего на полу механика и заглянул в задний иллюминатор. В темноте за кормой тускло мерцали отсветы прожекторов батискафа Свирского. Некоторое время Александр наблюдал за ними, затем принялся снимать показания контрольных приборов. Вдруг Ахмет сказал:

– Впереди по курсу крупный металлический предмет, дистанция двести...

И сразу же репродуктор ультразвукового телефона сказал голосом Свирского:

– Командир, впереди по курсу металлический предмет, дистанция двести пятьдесят метров.

Крупный металлический предмет в центральном участке района поисков – это мог быть только контейнер с его грузом самородного никеля. Так и заявил Костылину Ахмет, но Костылин немало слышал о всякого рода совпадениях и подавил его восторги в самом зародыше.

Это был не контейнер. Это был громадный затонувший корабль с совершенно плоской палубой, наполовину занесенной илом. Он стоял на корме, его носовая часть теря-

лась во мраке, а обращенный к батискафам правый борт зиял двумя рваными отверстиями, в любое из которых мог бы без труда пройти тральщик-автомат. Александр приказал подвести батискаф вплотную и сделать несколько фотографий. Наверное, это был японский или американский военный корабль, потопленный во время Последней Войны. Александру уже приходилось наткаться на такие ржавые обломки трехвековой давности.

– Ай-яй-яй, как его, понимаешь... – бормотал Ахмет, разглядывая пробоины.

Во всяком случае, этой находкой мог заинтересоваться Институт Подводной Археологии, и Костылин аккуратно отметил на карте положение корабля. Затем они двинулись дальше, но едва развалины скрылись в темноте, как Ахмет снова остановил батискаф. Он сказал громким шепотом:

– Ты только погляди! Что это?

Вот почему так пустынно было в этом ущелье. На экране проектора проступило плотное облако крошечных светлых сигналов с характерными звездчатыми очертаниями. Оно словно пульсировало, то расширяясь и заполняя весь экран, то сжимаясь в однородное пятно, а за ним в черной пустоте проступали новые и новые звездообразные сигналы. Ахмет никогда не видел ничего подобного, но Костылин видел, еще когда работал в Океанской Охране, и сразу понял, в чем дело: навстречу по ущелью двигалась большая стая белых драконов, чудовищ длиной в руку, с мощными челюстями и зубами алмазной твердости. Белые драконы – настоящий океанский гнус, глубоководная саранча. Они выводятся и накапливаются в каких-то зловещих уголках Мирового Океана и затем, изнемогая от аппетита, выходят в океанские просторы, пожирая все на своем пути. Прожорливы они невероятно. Александр однажды видел, как такая стая в пять минут буквально растворила в своих желудках пятнадцатиметровых косаток, великолепных хищных рыб, ловких и сильных, похожих на голубые торпеды. То, что белые драконы истребляют косаток, еще можно пережить. Но когда они появляются на трассах миграций промысловых рыб и китовых... Одним словом, ни один глубоководник не имеет права оставить без внимания стаю белых драконов, и Александр объявил Ахмету и Свирскому, что намерен напасть на стаю. Он приказал Свирскому подняться над ущельем и по сигналу выпалить в хвост стаи анестезирующие бомбы. Одновременно Костылин выпалит в голову стаи. Белые драконы окажутся между двумя расширяющимися облаками бета-новокаина, и по крайней мере девяносто пять процентов из них погибнут. «Есть!» – весело сказал Свирский и через пять минут доложил, что вышел в позицию для нападения. Александр приказал открыть огонь.

Оскаленные пасти и выпученные глазки маленьких чудовищ уже были отчетливо видны на видеоэкране, когда начали лопаться первые бомбы. Батискаф сотрясался от залпов. Глухо загудели разрывы. И вдруг репродуктор отчаянно закричал голосом Свирского:

– Берегись! Полный назад!

В ту же секунду экран ультразвукового проектора осветился, батискаф резко лег на правый борт, и Александр стремглав полетел через механика головой на баллоны регенератора. Он еще помнил пронзительный визг и скрежет металла о металл, затем потух свет, и что-то твердое, должно быть, колено Ахмета, ударило Александра под ложечку. Он потерял сознание.

Свирский потом рассказал, что он еще не успел отстреляться, когда огромные утесы, нависшие над ущельем, вдруг затряслись как желе, сдвинулись с места и совершенно бесшумно рухнули вниз. Мягкая, но очень сильная волна подбросила батискаф Свирского, и он закружился в водоворотах. Но волнение быстро улеглось, и тогда Свирский увидел, что стены ущелья стали значительно ниже, а над ущельем висят расплывающиеся белесые тучи. Очевидно, сотрясения от разрывов анестезирующих бомб было достаточно, чтобы тысячи тонн слежавшегося ила лавиной покатались по склонам ущелья. Эти тысячи тысяч тонн похоронили под собой и батискаф Костылина, и старинный корабль, и стаю полудох-

лых драконов. И что самое неприятное, корпус-поплавок БПГ Костылина не выдержал этого груза, деформировался и лопнул. Но об этом Костылин узнал уже после.

Очнувшись, Александр открыл глаза и увидел Ахмета. Он сразу все вспомнил. Гондола лежала на боку. Ахмет сидел на регенераторе, засунув руки в карманы, и что-то бубнил себе под нос. Он пел на мотив «Ах вы, сени мои, сени» из фильма «Война и мир» и отбивал такт ногой:

Пошла муха на базар,
Заказала самовар.
«Приходите, тараканы,
Я вас чаем угощу».

– Эй, Ахмет, – сказал Александр. – Не пора ли выносить мебель?

Но Ахмет даже не улыбнулся, и Александр понял, что положение серьезное.

– Регенератор, понимаешь, я исправил, – сказал Ахмет, – а вот с Вовкой плохо.

Механик разбил голову. Костылин опасался, что у него сотрясение мозга. Механик был без сознания, его рвало, и он пускал красные пузыри. Александр и Ахмет ухаживали за ним, как могли, но они думали тогда, что Свирский тоже погиб, и иногда им казалось, что все это впустую, и один раз Ахмет даже предложил открыть внешний люк. Костылин сделал вид, что воспринял это предложение как симптом начинающейся у Ахмета глубинной болезни. Существует восемь приемов предупреждения приступа глубинной болезни. Все они рассчитаны на блокирование нервной системы болевым шоком. Костылин применил их все. Он был в полтора раза тяжелее Ахмета и гораздо сильнее его.

Регенератор работал отлично, у них был отличный аварийный запас шоколада, бульона и галет, и они могли бы спокойно просидеть под завалом суток двадцать пять. Но их очень беспокоил механик Вовка, который все не приходил в сознание, и потому это была поистине хорошая минута, когда на шестые сутки они услышали скрип железных щупов, шарящих по оболочке гондолы. Через несколько часов эпроновцы откопали батискаф и подняли на поверхность. Батискаф втиснули в ремонтный док на нижней палубе «Онекотана», но экипажу пришлось просидеть в гондоле еще несколько часов, прежде чем смятый корпус-поплавок был отделен от гондолы и Костылин наконец смог открыть люк.

Контейнер лежал на палубе «Онекотана». Керамическая заслонка системы управления понтонами была снята, и из круглой темной дыры торчали ноги инженера Дудника. Инженер Дудник копался в системе управления понтонами. Собственно, инженеру Дуднику совершенно нечего было делать во внутренностях контейнера. Он просто скрывался. Буквально через минуту после того, как они вместе с планетологом, отталкивая друг друга, сорвали заслонку, стало ясно, что во всем виноват Гидромаш. Надувные понтоны не сработали. Толстяк так и взвился и с видом оскорбленной добродетели помчался по палубе с криком «Все сюда!» По-видимому, подорванный авторитет трансмарсианских баз требовал немедленной и кровавой реабилитации. Инженер Дудник с вытянувшейся физиономией пробормотал что-то относительно «вибрационной неустойчивости и магнитных помех», затравленно огляделся и торопливо полез в контейнер, забыв снять белый пиджак. Но это его не спасло. Торжествующий Царев вернулся к контейнеру с табуретом, уселся буквально в ногах у инженера и принялся давать всем желающим подробнее справки о том, что произошло. Люди не любят неаккуратных и неумелых работников, поэтому в желающих недостатка не было. Некоторые подходили по два раза. Ахмета Костылин в конце концов прогнал, но через полчаса он снова появился у контейнера и снова принялся рассказывать бесчисленные истории, в которых неизменно фигурировали океанские чудища и корпус-поплавки,

сконструированные в ЦНИИ Гидромаш. Толстяк слушал Ахмета с наслаждением, а затем в двадцатый раз сообщил ему, что он, планетолог Царев, думает о деятельности ЦНИИ Гидромаша вообще и о способностях «инженера Дядькина», в частности. При этом ноги, торчащие из контейнера, судорожно задвигались, и слабый голос возвестил, что «моя фамилия, товарищ Царев, Дудник, а не Дядькин». Царев, выслушав эту информацию, сказал Ахмету: «Вот видите, дорогой Марат? Видите, какой он? И там они все такие».

Дудник покинул контейнер только поздно вечером, когда почти все разошлись спать. Костылин встретился с ним в коридоре. Инженер испуганно посмотрел на Александра и опустил глаза. Александру очень хотелось сказать ему то, что в той или иной форме старался выразить ему чуть ли не каждый член экипажа корабля. Что нельзя плохо знать свое дело. Что нехорошо гонять по океану плавучие базы и отрывать людей от их работы. Что нечестно ставить под удар результаты четырехлетнего труда работников внеземных баз. Но Александр посмотрел на его испачканное, измученное лицо и сказал только:

– Покойной ночи.

Наверное, это прозвучало издевательски. Но Александр не пожалел об этом. Инженер, не поднимая глаз, ответил:

– Покойной ночи.

Олег Дивов

Подлинная история канала имени Москвы

Берег Московского моря украшала пирамида разбитых контейнеров и списанных пластиковых бочек, на глазок метров десять, а то и выше. Пирамиду венчал сваренный из дюймовой трубы крест с распятой на нем зимней рабочей курткой, драной и замасленной до самого мерзавского состояния. Куртка была обращена к морю спиной, и местный колумб мог бы при известном желании разглядеть на ней желто-красную эмблему Мосспецстроя.

Прямо в берег упиралось здешнее Анизотропное шоссе – прямая, как по линейке, дорога с идеально ровным и слегка шероховатым покрытием из запеченного красного песка. Согласно плану, она уходила на пятнадцать километров в глубь материка, а реально – к ядре матери, то есть до первого естественного препятствия непреодолимой силы. В роли препятствия выступала кальдера, прозванная геодезистами «Невеликий Каньон».

Выход дороги вплотную к Московскому морю тоже в плане не значился, это ее по недосмотру так расколбасило. Повезло, что трассу заперли два непреодолимых препятствия, с одной стороны геологический разлом, а с другой – рукотворное водохранилище. Иначе Анизотропное шоссе увистало бы к такой уже непечатной ядре матери, что хоть клади партбилет на стол.

Параллельно дороге располагалась взлетно-посадочная полоса из расчета под тяжелый челнок, очень хорошая, только на два километра длиннее, чем надо. В ближнем конце взлетки раскорячился транспортный атомолет пугающих размеров, способный даже в слабой атмосфере упереть тонн двести за раз, а когда никто не смотрит, все двести пятьдесят. Снизу машина была дочерна закопченной выхлопом, а по бокам шершавой и облезлой. Но знак Мосспецстроя на пассажирской двери прямо-таки сиял, и в целом воздушное судно глядело бодрячком. Правда, отчего-то возникало опасение, что вас обманули и летать этот атомный сарай, ядре электричка, не может в принципе, даже если догадается махать крыльями.

Из-за необъятной туши атомолета выглядывала антенна-тарелка станции дальней связи, дальше стояли ангары для обслуживания и хранения техники; между ними в аэродинамической тени, чтобы не сдуло на край света, ядре география, а то здесь случаются те еще бури, спрятался герметичный строительный вагончик. Зализанных очертаний, серебрястый и опрятный, он был украшен с торца все той же эмблемой. С берега моря не видны бока вагончика, но знающий человек уверенно сказал бы, что по обоим его бортам написано кириллицей: «Хозяйство Базунова. Не кантовать».

В паре шагов от вагончика стояли с неясными целями, а скорее всего, просто набираясь сил войти в помещение и раздеться, геодезист Тарасенков без теодолита, доктор Ленц без томографа и атомщик Сухов с кувалдой, ядрен молотобоец, все трое упакованные в зимние спецовки для внешних работ, кислородные маски и теплые шлемы. Судя по обороту головы, Тарасенков смотрел в сторону безукоризненно ровного квадратного участка местности триста на триста метров, известного ограниченному кругу лиц как Пик Коммунизма.

И наконец, сразу за ангарами вдоль полосы выстроилась, словно на парад, самоходная группа в количестве тринадцати единиц, ядре роботехника: три бульдозера, два экскаватора, четыре самосвала, укладчик покрытия, ремонтник и маленький храбрый погрузчик.

Тринадцатым в группе числился многоцелевой дирижабль-разведчик, он валялся в некотором отдалении, принудительно сдутый и потому несчастный.

Нет-нет, Дмитрий Анатольевич Базунов, простой советский технар и кавалер, ядре арматура, Трудового Красного Знамени, отнюдь не считал машины одушевленными. Иначе он пошел бы и надавал дирижаблю пинков. Просто чтобы тот знал, кто тут хозяин.

Ну и вообще для удовольствия. С еще большим удовольствием Базунов взял бы у Сухова кувалду и отходил ею тяжелый атомный бульдозер по прозвищу «Большой». Да и всей этой железной банде навешал оплеух. Пожалел бы только маленький храбрый погрузчик...

Базунов шепотом выругался и отвернулся к морю.

– Докуда тут прилив? – спросил он хрипло. – Высокий прилив.

– Вот досюда, – гидролог ткнул пальцем в карту, и Базунов с трудом подавил желание отдернуть планшет; ему показалось, что на трехмерке сейчас останется жирный масляный отпечаток.

Гидролог, даром что прикомандированный, оказался ничего мужик, ночью помогал механикам чиниться, лазал атомолету чуть ли не в сопло и теперь ходил замызганный. Все помогали механикам, даже Базунов. Он единственный остался более-менее чистым – бригадир как-никак. Зато глотку сорвал.

– Высокий прилив, – напомнил Базунов.

– Досюда, говорю же, – гидролог сделал авторитетное лицо и снова ткнул пальцем, благоразумно промахнувшись на сантиметр в глубь материка от прежней метки.

– Совсем высокий? – уточнил Базунов. – Мне надо, знаешь, такое ядро цунами типа «больше не бывает».

– Больше не будет, – заверил гидролог.

– А заключение напишешь? – Базунов прищурился.

От фирменного базуновского прищура, когда глаз такой ехидный, голова чуть внаклон, рот слегка приоткрыт – короче, вид абсолютно придурочный, но сказать что-то умное в ответ этому дураку надо, – даже начальство впадало в задумчивость. Куда там прикомандированному специалисту. Его просто застопорило.

– От чего тут прилив зависит? А эти двое, Фобос и Деймос, ядрена астрономия, могут в линию встать? – напирал Базунов. – А если?..

– Ты зачем такой нервный, бригадир? – гидролог обиделся и набычился.

– Разве заметно? Кто бы мог подумать! – в свою очередь, надулся Базунов. – я вчера узнал, что увожу людей сегодня, се-год-ня! А у меня аэроплан, ядрена кочерга, наполовину разобран! И для полного счастья я оставляю тут рыть канал самоходную группу, у которой отказали тормоза! Думаешь, это очень весело?

– Тормоза?

– А-а, ты не в курсе. – Базунов сразу подобрел. – И не надо тебе. Ты главное скажи: докуда прилив добьет. Чтобы раньше времени не размыло перемышку, ядерен сопромат. А то если вода пойдет в канал и утопит группу, когда она там ковыряется... Не надо нам этого.

Гидролог тяжело вздохнул и снова ткнул пальцем.

– Слишком длинную перемышку тоже нельзя. – Базунов вздохнул, в свою очередь. – Мы черт знает когда вернемся. И черт знает это мы будем или кто, ядрена наша организация, растуды ее туды. А если не мы? А вдруг группа поломается и копать придется чем попало?.. Нельзя коллегам свинью подложить, все надо сделать в самый раз.

Гидролог тихо застонал.

– В последний раз показываю, – сказал он.

И показал.

– Вот это другое дело, – согласился Базунов, проставляя отметку на трехмерке. – Вот это я и называю «в самый раз». я бы именно так и решил.

– А зачем тогда меня замучил?

– Ну ты же гидролог, дорогой мой, а я кто? – Базунов развел руками. – Что я понимаю в приливах и отливах, ядрена изобара? Иди заключение пиши и обоснуй его как-нибудь поувесистее. У нас три часа до отлета, успеешь. Заранее спасибо.

– Вот ты злодей... – буркнул гидролог беспомощно.

– А как иначе, ученый ты мой друг? Мы же трест «Моспейстрой», ядрена шишка! Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на опасном пути, смекаешь? Меня без твоего официального заключения съедят, не дай бог чего. А так – тебя съедят. Разница, елки-палки.

– ...А если спутники и правда в линию встанут? – Гидролог поднял глаза вверх, на небо.

Небо было чужое, высокое и прозрачное, очень по-своему красивое, только слабое. Летать по нему трудно, еле держит. То ли дело на Земле, там небо сильное, греет тебя и защищает, а тут слабое. Лишь попав на Марс, понимаешь, что твою родную планету атмосфера укутывает толстым мягким одеялом. А здесь атмосферу еще делать и делать. Похоже, наконец-то в ЦК приняли окончательное решение по «воздушному вопросу» и дали команду навалиться ударно. Неспроста Базунова вдруг резко перебрасывают в другое полушарие. «На кислород» он едет, не иначе. Все сейчас туда помчатся. С водой мы предварительно разобрались, вон море какое запузырили, теперь на воздух накинемся. Вечно у нас штормовщина, потом еще накажут кого ни попадя за это, а иначе не получается.

– Вы же на кислород едете? – спросил гидролог, по-прежнему глядя вверх.

– На него, родимый. – Базунов машинально поправил маску. – Вероломно, без объявления войны, ядрены торопыги. Я думал тут неделю просидеть, а теперь ничего не успеваем, совсем ничего... Ну что поделаешь. Все сейчас туда. И ты наверняка тоже. Ладно, иди, сочиняй ученую бумажку, будь другом. А мне еще своих оппортунистов-затейников э-э... призывать к порядку.

– Хорошая у тебя бригада, – сказал гидролог.

– Да ты тоже ничего, – сказал Базунов. – Работы не боишься.

– Это правда, что тебе Героя Соцтруда зажали?

Базунов неопределенно хмыкнул, сунул планшет в карман и ушел к вагончику.

Гидролог оглянулся на пирамиду, увенчанную грязной спецовкой, посмотрел на себя и опять тяжело вздохнул.

* * *

В вагончике было тепло и шумно, тут пили крепкий чай, отходя от ночного аврала, и над чем-то дружно хохотали. Поспать бы людям, да времени нет, вот они и подстегивают себя перед рывком на другой край света. Базунов снял маску, уселся за стол, тяжело уронив на него локти, поборол мгновенное желание уронить туда же голову и сказал:

– Уважаемые коллеги, призываю вас к порядку! Кто не спрятался, я не виноват.

Ему сунули в руку кружку с чаем.

– Нет, погоди, ты только послушай это, начальник! – позвал с верхней полки Саша Привалов, программист. Он листал книжку, по виду – детскую.

– Ну? – неприязненно процедил Базунов. Напрасно программист вообще голос подает, ой, напрасно, ему бы молчать в тряпочку.

«А давай-ка, Наденька, пройдемся перед сном, поглотаем кислороду! – пошутил Владимир Ильич», – прочел Привалов с выражением. – «С удовольствием поглотая кислороду! – улыбаясь, ответила шуткой на шутку Надежда Константиновна».

Все дружно грохнули.

– И вот такую ахинею наши дети читать должны!

– А ведь какому-то писателю, мля, за это денег заплатили! – механик Нечитайло, самый тут замученный и взъерошенный, сделал вид, что сплевывает в угол.

– Книжки писать – не мешки ворочать, – объяснил транспортный оператор Малаев и мечтательно закатил глаза. Ему вскоре предстояло всех грузить, и он уж точно не откажется бы тиснуть роман вместо перемещения тяжестей.

Базунов нехорошо засопел.

– Это где же ты увидел ахинею, дорогой товарищ Привалов? – начал он, постепенно заводясь. – Это про кислород, ядрена химия! Самое важное, архиважное дело сегодня!

– Опаньки... – пробормотал кто-то.

– Ты чего, начальник?... – спросил Привалов опасливо.

– Вон у тебя даже Надежда Константиновна понимает, как необходим человеку кислород!!! – заорал Базунов в полный голос. – А ты!!! А ты...

– Слышь, бугор, я верно расслышал, что ты сейчас Крупскую душой обозвал? – поинтересовались сзади.

В вагончике заржали совсем уж по-конски. Базунов не глядя сунул через плечо кулак.

– Я тебя спрашиваю, товарищ Привалов!

– Чего?.. – буркнул Привалов, резко грустнея.

– Ты ответственность свою понимаешь, ядрена матрена?

– Начальник! – взмолился Привалов.

– Персональную ответственность за исход нашего безнадежного дела?

– Начальник! Ну сколько можно! Канал будет прорыт строго по схеме. Не пойдет группа дальше стройплощадки, я ей точку прописал вручную... Раз команда «стоп» в программе не держится, точка будет вместо стопа. Ничего особенного, это всего лишь инженерная задача. Точка даже лучше стопа – это маркер, ориентир в пространстве, роботам так понятнее, они за маркер уцепятся и встанут на нем.

– А если опять не встанут?

Привалов отвел глаза.

– Анизотропное шоссе, – напомнил Базунов. – Про Пик Коммунизма я молчу вообще. Будут у группы тормоза, или как? Можешь гарантировать? Уверен в своей точке, ядрена арифметика?

– Уверен, но... На всякий случай, если даже роботы пойдут дальше, их каньон остановит. Через пять километров от точки. Встанет группа на краю разлома и будет там ждать, пока мы ее не подберем.

– А если не мы?

– Да какая разница, начальник?

– Да такая, что приедут люди поднимать комбинат, ядрена бетономешалка, – а канал мимо усвистал, на пять километров дальше, чем по плану! Кто эти лишние пять камэ быстро зароет и наши задницы прикроет? А?!

– По плану вовсе никакого канала не было, – буркнули из-за спины. – Подсунули нам арык, а мы и рады стараться...

Базунов опять не глядя погрозил кулаком.

– Но вода-то будет течь, пускай и мимо... – пробормотал Привалов.

В вагончике захихикали: ну ты, парень, сказанул.

Базунов тихо застонал.

– Чего-чего? – переспросил он.

– Им вода нужна, ну мы и... Того. Дадим воду.

– Мы дадим воду, а нам дадут в морду, – ввернул Малаев.

– Привалов, ты же взрослый человек! Инженер, ядрен матан! Есть утвержденная схема водозабора! – прорычал бригадир. – И меня спросят, почему она диким образом нарушена! На пять километров, ядрена ирригация! И мне придется ответить! Как тебе такая инженерная задача, ядрена ты перфокарта?! Взлетку на два километра длиннее, чем надо, я еще могу обосновать! Не знаю пока каким образом, но могу...

– Взлетка длинной не бывает, – подсказали сзади. – Предлагаю версию: забоялись, что не оторвемся, вот и накатали про запас.

Базунов все-таки обернулся.

– Товарищ Сухов!

– Молчу, молчу, – пообещал седой атомщик с сизыми пятнами радиационных ожогов на щеках.

– Я тебя призываю к порядку лично и персонально, ядерен регламент, – попросил Базунов сквозь зубы.

– Я больше не буду, – сказал Сухов. – Устал просто.

– Все устали... Ну, допустим, от некондиционной ВПП я нас отмажу, – сказал Базунов, бросил планшет на стол, развернул над ним трехмерку и уставился в нее очень злыми глазами. – Дорогу в никуда, это безумное Анизотропное шоссе, тоже как-нибудь распишу. Яркими красками, ядрена стенгазета... Пик Коммунизма мы успели ликвидировать, его тут не было, и вы его не видели. Если кто проболтается, честное слово, мужики, пришибу. Вы меня знаете... Теперь насчет кольцевой дороги вокруг площадки. Своим волонтаристским решением объявляю ее подарком от нашей славной бригады строителям комбината. Зачем им такой подарочек – не спрашивайте. Пусть сами выдумают. Может, они любят кататься по кругу, ядрена карусель. Короче, это все мелочи жизни. Но если... Слышишь, Привалов? Если канал уйдет мимо площадки, я прямо не знаю, что с тобой сделаю. Либо ты эту свою точку забьешь группе в память, как гвоздь в башку, либо собирай манатки. Работать у меня ты не будешь, это стопудово. Потому что меня – снимут. А потом я тебя сниму. С люстры, на которой ты повесишься.

– Я же не виноват! – пропыхтел Привалов, красный как вареный рак.

– Он не виноват, – сказал Сухов.

– Будет, – заверил Базунов и накрепко припечатал свое слово кулаком к столу.

– Разреши особое мнение, бугор? – Сухов по-школьному поднял руку.

– Я тебя просил... Можно не сейчас?

– Нельзя. я в двух словах. Мы понимаем: самоходная группа исправна чисто условно. Сегодня исправна, а завтра у нее мозги набекрень. Но зачем ты валишь все на Привалова? Команда «стоп» вылетает потому, что заводские намудрили с базовой программой...

– Попробуй докажи, – перебил Базунов. – Замена прошивки ведь помогла.

– Только на время.

– А кого это колышет? Завод отписался, что группа в порядке, отчет лежит в тресте, и меня этим отчетом – по мордасам, ядрена бухгалтерия! Хочешь на мое место? Легко! Вот я с тебя посмеюсь, ядрена клоунада... Когда тебе скажут: выполняй план, товарищ Сухов, наличными средствами и не умничай тут!

– Давай-ка уточним, бугор. Ты собираешься до морковкина заговенья переделывать вручную то, что группа напортачила? Как в тот раз с Пиком Коммунизма? Зачем тогда Привалову вешаться – да я сам удавлюсь на первом же попавшемся экскаваторе!

Базунов шумно засопел носом и промолчал.

– Дима, друг мой. – Сухов глядел почти умоляюще. – Ты же у нас умница. Придумай выход из этой засады. В программу надо лезть глубоко и серьезно, но у Сашки не хватает полномочий и инструментов. Он бы давно все исправил уже. Он не виноват. Хотя бы не дожимай его.

– Да кого я дожимаю?! Техника должна работать четко! Ответственный – Привалов! С кого мне спрашивать? Или ты сейчас родишь нам другого программиста, ядрена кибернетика, – с полномочиями и инструментом, ага?

На Привалова было уже больно смотреть.

– Выход тебе найди... – Базунов стиснул кулаки. – Нету выхода! Завод уперся рогом, ядрена баранина, он не при делах. А у треста – план, и мы его даем. Значит, все в ажуре, и наши трудности никого не парят. Что теперь предлагаешь – не давать план? Лапки кверху поднять? А кто работать будет? Кто, если не мы? Вторая экспедиция пополам разорвется?

– Давно обещали прислать третью, – вставил Малаев.

– Давно обещали послать тебя подальше, – огрызнулся бригадир. – ...А главное, мужики, ну сами прикиньте – нас просто не поймут. Та же вторая экспедиция не поймет. Скажут: ну подумаешь, из шести робот-групп одна попалась малость сумасшедшая. Это не смертельно, а Базунов закатил истерику, ядрена неженка. И как мы будем выглядеть?

– Знаешь, бугор, мне уже все равно, как мы будем выглядеть, – сказал Сухов. – Мы и сейчас похожи, в общем, на загнанных лошадей. Так больше нельзя работать. Мы просто надорвемся. Мы уже на пределе.

– И что ты предлагаешь?

– Ничего хорошего, но пойми меня правильно. Заводские свою вину не признают ни за что. Марсианская контора треста вообще самоустранилась. Если ты назначишь крайним Привалова, сыграешь им всем на руку. Извини, но в таком разе чисто ради справедливости мне придется вынести сор из нашей уютной избушки на партком. Сам угадай, как партком возбудится, когда узнает, чего мы вытворяем из самых лучших побуждений. Дальше будет решать партбюро треста. И «далее везде», как говорится...

В вагончике повисло характерное неловкое молчание. Такое, когда вроде любому понятно, что надо кричать «Слово и дело!», но ведь после будет очень больно сразу всем.

К гадалке не ходи, решать проблему недержания команды «стоп» в программе самоходной робот-группы сбегутся дружною толпою самые неожиданные инстанции, вплоть до КГБ. Если бригаде «закроют космос» на неопределенный срок – это, считай, повезло.

Базунов обвел свою команду взглядом. Здесь сидели десять человек, далеко не последние люди треста, который они фамильярно звали «Мосспейсстрой», и каждого бригадир слишком давно знал, чтобы не считаться с его мнением. А еще он каждого в той или иной степени любил, даже молодого оболтуса Привалова, хотя этого еще учить и учить коммунизму, и хорошо бы подзатыльниками, да жалко дурня.

– Будет очень больно сразу всем, – подытожил общее молчание геодезист Тарасенков. – А нам особенно. Ибо нахулиганили уже выше крыши.

– Больно, но справедливо, – заметил Сухов.

– В тресте – заматают, – сказал Базунов, не очень, впрочем, уверенно. – Выше партбюро это дело не уйдет. Они там не дураки, ядрена бюрократия. А с нас стружку тупым рубанком снимут. И смысл?.. Нет, ну если вы очень хотите, чтобы меня выгнали...

– Мы тебя на поруки возьмем, – пообещал Тарасенков. – И Привалова тоже. Но лично я против. Не в смысле на поруки, а в смысле вообще.

– Я устал, – сказал Сухов. – Не знаю, как вы все, а я лично устал ощущать себя аглицкой блохой, которую Левша взял за жабры и подковал без мелкоскопа. Мне это состояние давно остоелозило. Почему мне, рабочему человеку, простому энергетик, не дают нормально работать? Стройка за стройкой одно и то же – сначала едва ползем, потому что ничего не готово. Потом аврал и гонка с нарушением всех правил. Технология побоку, элементарный здравый смысл тоже побоку, только догоняй план. Дальше нам дают премию и обещают, что больше такого бардака не будет. Мы выходим на новый объект – и?.. Вот-вот... Ладно, к бардаку мы привычные, но, извини, на Луне случилась уже какая-то порнография. Дурак я старый, надо было прямо тогда поднимать шухер по партийной линии.

– Вот! – поддакнул Тарасенков. – На Луне надо было! Сейчас поздно. Сейчас мы уже главные герои в этой порнографии, и закатают нас на полную катушку.

– Мы подали с Луны докладную! – напомнил Базунов строго.

– Кстати, вот про это самое! – вклинился в разговор Малаев. – Мужики, дайте слово молвить. Вы сейчас подставляетесь. Вы совсем не учитываете, как наши претензии выглядят с точки зрения треста. А выглядят они просто нелепо! Когда бугор послал с Луны депешу – какая была реакция? Нам тут же прислали заводских наладчиков спецрейсом!

Мгновенно сменили прошивку! Это ты, Сухов, называешь – не дают работать? Да во всем тресте не найти бригады, которую бы так облизывали... И если Привалов – чайник...

– Я не чайник! Ну зачем вы!.. – взмолился Привалов. – Просто на Луне я не сразу разобрался. Группа-то совсем новая.

– Прямо жалко, что обратную сторону Луны с Земли не видно... – пробормотал Малаев, сладко жмурясь. – Вот бы астрономы офигели.

– Слышь, Малаец, шел бы ты готовиться кидать оборудование на борт, а? – сказал Базунов. – Вы за временем не следите, раздолбаи, а у нас пять минут на болтологию осталось.

– Выставляешь за дверь как беспартийного? Говорят, Папанин тоже своего ради-ста Кренкеля выгонял с заседаний партийной ячейки на дрейфующей льдине – помнишь, чем кончилось?

Базунов вдруг опустил голову на руки. В вагончике, где почти каждый потихоньку бухтел, сразу настала мертвая тишина.

– Нет больше сил моих, – прошептал Базунов. – Батарейки сели. я тебе сейчас устрою кренкеля... Такого кренкеля, ядрена матрена...

В вагончике стало вдруг заметно теснее: это на нижней полке сел, протер глаза и сунул ноги в ботинки валявшийся до того молча стармех Ренкель, по совместительству командир воздушного судна. Такой же седой, морщинистый и обожженный, как атомщик Сухов, старый черт, только кряжистый, поперек себя шире. В бригаде его звали суперстармехом.

– Намек понял без намека, – гулко сказал он. – Транспортный оператор, добро пожаловать на борт. Мечтаю через две минуты видеть тебя у грузового пульта.

Малаев без лишних слов вскочил и потянул с вешалки куртку.

– Погоди секунду, дядя Жора, – попросил Сухов. – А твое мнение?

– Безусловно, «за», – прогудел Ренкель, вставая и с хрустом потягиваясь. – Могли бы и не спрашивать.

– За что?

– Да пофиг. – Ренкель взял у Базунова кружку, в один глоток отпил половину, крякнул, благодарно кивнул и медведем полез на выход. За ним гуськом потянулись механики Нечитайло и Полевой, показавшиеся вдруг очень маленькими.

– Не ожидал от тебя, – буркнул Сухов. – Нет, я все понимаю – вкалывают роботы, счастлив человек...

Ренкель остановился, бросил взгляд через плечо, механики карикатурно повторили его могучее движение один в один.

– Роботы в порядке, – сказал Ренкель. – Это лучшие роботы на моей памяти. Умнейшие ребята. И чертовски изобретательные, особенно храбрый маленький погрузчик. Вы их просто не понимаете. Просто они хотят вкалывать, даже когда им не дают. Если бы все люди так хотели... Эх!

Он безнадежно пожал одним плечом и протиснулся в тамбур. Сухов озадаченно глядел ему вслед.

– Храбрый маленький погрузчик... – пробормотал он. – Нормальный ход, дядя Жора...

– А что, это концепция, – впервые подал голос доктор Ленц, он же повар, он же единственный в бригаде разнорабочий. – Она многое объясняет.

– Впервые вижу, чтобы медик с ума сошел, – негромко бросил Сухов в сторону. – Ну ладно наш стармех, ему простительно, механики все по жизни с прибабахом, колесу молятся...

– Но ведь «стоп» не держится? У нас роботов по всей планете – шесть групп! И вдруг одна-единственная не подчиняется! Почему?

– По кочану! Молодая, вот и не подчиняется!

– Да, она самая молодая, и у нее самый развитый на сегодня искусственный интеллект! – не унимался доктор. – Не кроется ли за этим нечто большее?

– А может, доктор, вы еще и креститесь? Святой воды не найдется, случаем – на бульдозер побрызгать? А то в него бес вселился.

– Если этот бес хочет вкалывать – зачем ему мешать?

Базунов поднял голову и с усилием потер лицо обеими руками.

– Слышали, что говорит стармех, товарищ Привалов? – Он посмотрел на унылого программиста. – Учитесь. Мотайте на ус. Захотите наконец работать – и работайте, ядрена вошь!

– Вот ты злодей, – буркнул в спину бригадиру Сухов.

– Уволюсь на фиг, – сказал Привалов, глядя в пол. – Вы тут все действительно с ума сходите. Вслед за роботами.

– Фиг ты уволишься. Ты сейчас проверишь, держится ли точка в программе, доложишь об исполнении и поедешь с нами на кислород. Тебя там заждалась шикарная тяжелая экскаваторная группа. Мы из тебя сделаем человека, ядрена мама. Не сумеешь – научим, не захочешь – заставим. В конце концов, это тоже... Всего лишь инженерная задача.

– Вот ты злодей, – повторил Сухов, правда, уже с другим выражением.

– Кто-то мне это сегодня говорил, – сказал Базунов. – А, ну конечно, гидролог. Обидел я его слегка. Кстати, где он? Не забыть бы взять его на борт и посмотреть, чтобы сам ничего не забыл, ядреный водолаз. Ответственный за гидролога...

– Давайте я, – предложил Ленц. – Мне грузить всего ничего, я прослежу за человеком, чтобы не потерялся.

– Ответственный – товарищ Сухов. Как самый ответственный, ядрена справедливость.

– Ну вы злодей, бригадир! – сказал Ленц.

* * *

Новейшую самоходную роботизированную группу из тринадцати единиц, включая три бульдозера – легкий, средний и тяжелый, – два экскаватора, четыре самосвала, путеукладчик-«запеканку» для сыпучих грунтов, ремонтного «паука», дирижабль с прибабахом и маленький храбрый погрузчик, Базунов невзлюбил сразу по получении.

В Мосспецстрое бригада Базунова числилась «прыгающей экспедицией», она скакала с площадки на площадку, от одной группы роботов к другой, не задерживаясь нигде дольше недели. Проверить исполнение задачи, поставить новую, провести техобслуживание – и полетели дальше. Иметь дело приходилось с чем угодно, от мобильных атомных электростанций до умных бетономешалок. Очень живая интересная работа, требующая постоянного напряжения серого вещества, ну и вообще мы – почти как космонавты, ядрена пилорама, любите нас, девочки.

Более-менее теряла свой гонор бригада, лишь когда надо было лететь с планеты на планету, и тут Базунову вежливо напоминали, что в строительном тресте, пусть даже московском и очень специальном, космонавтов нет, а есть пассажиры, и от них требуется неукоснительное соблюдение дисциплины на борту.

И конечно, психологически трудно приходилось участникам «прыгающей экспедиции», когда они, горя энтузиазмом, сыпались со звездных небес на свежую площадку, выгнали из трюма свои железные трудовые резервы – а фронт работ не подготовлен ни фи́га, и в космических бытовках сидят злые, как черти, космические прорабы, которым тоже психологически трудно, ведь они слишком хорошо представляют, что будет дальше, ядрена штурмовщина. Базунов хотя бы теоретически может в поисках дела для себя прыгнуть на соседнюю площадку и там вдоволь погонять роботов, а прорабу деваться некуда, и даже

водки с горя нажраться советскому человеку шансов ноль, поскольку вне Земли у советского человека – сухой закон, ядрена конституция.

И хоть ты лопни, хоть ты тресни от искреннего желания, чтобы на Марсе как можно скорее яблони цвели, но если не завезли комплектующие, работа встанет намертво. Потому что, извините, делать эти комплектующие прямо на месте мы начнем не раньше, чем построим завод по их производству, такая вот мертвая петля, хоть на ней ты вешайся. И у соседа не займешь, ему тоже надо, и ему тоже не завезли. И ты от безысходности начинаешь возводить стены цехов раньше, чем подвел коммуникации. Здесь тебе не матушка-Земля, где вдоволь кислорода, воды и еды, тут нельзя сидеть и ждать, а надо давать план хотя бы вверх тормашками и задом наперед. То, что сетевой график окончательно превращается в китайскую грамоту, это не смертельно, подгонкой графиков под реальность занимается целый институт в системе Госплана СССР, там специалисты, пусть у них голова болит. Смертельно – это когда у тебя кончились невосполнимые ресурсы, ты бросил недостроенный объект и эвакуировался, за такую ошибку партбилет на стол кладут. Значит, лучше мы пока стены и крыши сделаем, а коммуникации потом вкорячим через дырку в фундаменте задним числом. Не забыть бы, где у нас эта ядрена дырка. Кстати, а мы пробрили ее вообще?

Легко догадаться, что когда несколько объектов входили в завершающую фазу одновременно, «прыгающая экспедиция» не скучала ну просто совсем, ядрены пассатижи. Да она и не спала почти, обедала на коленке, душ принимала, если доктор напомнит. Где тонко, там и рвется: именно в такие периоды охотнее всего «сыпалась» техника, и ладно бы только строительная – пару раз у бригады разваливался транспорт, на обслуживание которого просто не оставалось времени, и тогда «прыгунов» приходилось спасать. Естественно, их потом наказывали, чтобы другим неповадно было, а иначе давно Базунов стал бы Героем Социалистического Труда.

Конкретно вместо Героя ему вручили фигу с маслом и пообещали, что высокого звания бригадиру не видать даже посмертно, это когда экспедиция, совершив аварийную посадку в центре бескрайней пустыни из красного песка, застряла там на трое суток и успела сначала хорошо выспаться, а потом от безделья начудить. Базунов вывел роботов поразмяться и отгрохал себе не только положенную в таком случае взлетку, но еще роскошный жилой купол, футбольное поле с пьедесталом почета и плавательный бассейн без воды, зато с прыжковой вышкой. Такую ядрену шизофрению Базунову простили бы, да вот незадача: транспортный оператор Малаев, творческая личность, изваял при технической помощи Нечитайло и программной поддержке Привалова статую «Женщина-строитель» прямо у входа в купол. А спасатели на подлете, действуя строго по регламенту, зафиксировали этот ядрен дизайн своей шикарной спасательной видеокамерой с недюжинной разрешающей способностью. Нецелевой расход ресурса сварочного аппарата ради спекания из красного песка объемного изображения голой бабы с лопатой Мосспецстрой не оценил. Правда, был еще слушок, будто кто-то из дирекции треста углядел в статуе нечто знакомое. Малаев этот слух опроверг, заявив, что у него и так моральный облик никуда не годится, поскольку он в свободное время рисует акварелью, о чем даже состоялся хмурый разговор на последней аттестационной комиссии, и ему лишние неприятности совсем ни к чему.

Но в целом, несмотря на мелкие недоразумения, жизнь у бригады удалась, ядрена макарона, и ничего, как говорится, не предвещало. А потом случилось страшное: Базунова послали в космическую задницу, да еще и навязали ему сумасшедших роботов.

Для начала бригаду сорвали с Марса, где она прекрасно себя чувствовала, на Луну, которая для простого трудящегося существа наказание в силу низкой гравитации, отсутствия атмосферы и прочих элементарных удобств. Но там у треста застряли костью в горле два обидных долгостроя. И никого лучше Базунова, знаменитого своей четкостью да изобретательностью, не нашлось, чтобы быстренько подчистить все хвосты. Задача простейшая,

ядрена гайка: забачать площадку и корпуса под гелиевый заводик на «той стороне», пробить трассу до космодрома и помочь там местным разровнять кое-что – тебе на ползуба, Дмитрий Анатольевич, смотайся, а? В самый разгар ударного освоения Марса, где родной трест загребал лопатой премии и медали, да и просто было весело, Базунов улетал туда, откуда даже на Землю посмотришь только по телевизору.

Чтобы подсластить горькую пилюлю, Базунову подсунули новую группу – ты ее сначала на простой задаче обкатай, потом вместе с ней на Марс вернешься, уж она там даст шороху, ядрена копоть, не пожалеешь.

Бригадир заподозрил неладное в первый же день на Луне, когда Малаев принял по описи тринадцать контейнеров. Удивился, снова пересчитал, опять тринадцать. Кучеряво живем, ребята, сказал Базунов, – нам прислали дирижабль, ядрено монгольфье! Сегодня исторический день: советский аэростат преодолел триста тысяч километров безвоздушного пространства. Надо об этом написать заметку в «Строительную газету». Нет преград строителям коммунизма, им даже законы физики пофиг.

Базунов не стал писать в газету, он настучал телеграмму в трест. Оттуда сухо ответили, что группа поставляется строго комплектом, и еще на словах посоветовали не умничать. Базунов пожал плечами, но расстроился – сколько бы ни уверял Сухов, что мы к бардаку привычные, это было не так. Никто в бригаде не любил бесхозяйственности, да и как ее можно любить, ядрена политура, деньги-то на бардак тратятся народные, буквально у своих детей воруют.

Назавтра бригаде стало не до бардака – началась та самая порнография.

Управляющим мозгом группы и одновременно ее сердцем, то есть зарядной станцией, служил красавец тяжелый атомный бульдозер в шестьдесят с лишним тонн, силищи неимоверной. В бригаде его сразу обозвали попросту «Большой».

Большой получил задачу, нормально вывел группу на площадку, огляделся, счел обзор недостаточным и дал команду дирижаблю на взлет.

Дирижабль сломал контейнер и полез наружу, по ходу надуваясь.

Базунов впервые в жизни потерял дар речи. Он просто не знал, как реагировать. Стоял на командной вышке, тарачился в монитор и глубокомысленно молчал. Обалдел, ядрена медь.

Стармех Ренкель тоже молча отвесил подзатыльник механику Нечитайло, а потом механику Полевому на всякий случай. Кто-то должен был залезть в тринадцатый контейнер и посмотреть, не подключен ли паче чаяния ядерен аэростат. Техника при доставке обесточена, закон такой, и первым делом это проверяется – закон в хозяйстве Базунова, – с тех пор, как один шибко борзый экскаватор решил выйти из атомолета на высоте десять километров...

Тут Базунов очухался и заорал единственно верное: «Стоять!!! Стоять, ядрена мать!!!» И опережая его на долю секунды, Саша Привалов сам, без команды, жажнул ладонью по красной кнопке, загоняя группу в анабиоз.

Но еще секундой раньше проклятый дирижабль, не чувствуя в себе достаточной подъемной силы, успел применить маневр резкого старта, выдуманный специально для планет с бедной атмосферой. Оттолкнулся манипуляторами – и пошел на взлет, ядрена авиация.

А манипуляторы там ого-го какие сильные: дирижаблю положено цеплять ремонтного «паука», а на форсаже он таскает погрузчик. Пинок, ядрена катапульта, вышел неслабый.

Базунов схватился за голову.

При гравитации в одну шестую «же» дирижаблю предстояло совершить гигантский прыжок и в конечной его нижней точке убиться об острую скалу на краю метеоритного кратера. Перехватить летучее недоразумение было уже некогда, да и просто нечем – бригаде на Луне не полагалось своих летательных аппаратов. Оставалось глядеть, как оно себя погу-

бит, ядрена катастрофа. Базунов стоял, не обращая внимания на то, что Привалов все теребит и теребит красную кнопку. Подумал, у программиста это нервное. А потом увидел: группа шевелится. Да еще как шевелится, ядрена каракатица. Быстро катится.

«Это что за цирк?! – процедил бригадир. – Отставить!»

«Да я приказываю, только без толку... Запустился внутренний аварийный режим, он по умолчанию рассчитан на то, что рядом нет человека и группе надо обходиться своим умом. Вплоть до устранения нештатной ситуации».

«Ну-ну. А почему Большой ее устраняет так... Нештатно, ядерен батон?!»

«Это просто инженерная задача. Он ее обсчитал и решает наличными средствами. Как может, так и делает».

Дирижабль, безвольно свесив манипуляторы вниз, двигался к скале. Вид у него был самый что ни на есть обреченный. Но вдогон бедолаге неслись, поднимая шлейф пыли, два самосвала бок о бок.левой гусеницей в одном кузове, правой в другом угнездилися экскаватор. В ковше экскаватора сидел, чудом не вываливаясь, маленький колесный погрузчик.

А потом экскаватор поднатужился и со всей дури метнул погрузчик в лунное небо.

Пока крошечная машинка летела вверх, Базунов успел с ног до головы облиться холодным потом. А вдруг Большой просчитался. Черт с ним, с этим заполошным цеппелином, пусть бьется, ядерен металлолом. Но если погрузчик грохнетя и что-нибудь себе повредит, Базунов заставит механиков развинтить всю группу на запчасти, лишь бы парень был снова здоров и весел.

Он так и подумал о погрузчике: «парень», как о человеке.

В какой-то момент показалось, Большой и правда ошибся: двум машинам не хватало буквально пары метров, чтобы одна поймала другую. Но в последний миг погрузчик задрал над собой ковш, и дирижабль уцепился за него мертвой хваткой. И начал просаживаться вниз. Он уже не долетит до скалы, шлепнется в лунную пыль.

По командной вышке пронесся дружный вздох. А потом – такие же дружные аплодисменты, ядрена драма и комедия.

За несколько секунд до прилунения дирижабль выпустил погрузчик, тот безопасно упал на колеса и успел выкатиться из-под садившейся на него туши. К месту аварии примчался самосвал с «пауком» в кузове, следом медленно поспешал легкий бульдозер – цеплять беглеца на буксир.

Большой тем временем прислал отчет о ситуации и запросил подтверждение либо отмену приказа на отключение группы. Привалов вопросительно смотрел на Базунова.

«Пусть работают, – сказал тот. – Вот же черти железные, ядрена техника».

Дирижабль подлатали и на всякий случай обесточили в ноль. Правда, Большой не делал новых попыток его поднять. Осознал, что тут ему не матушка-Россия и даже не Марс, без ракетной тяги не разлетаешься. Привалов ходил с красными глазами и ругался нецензурно. В заводской прошивке был набор поправок для работы в безвоздушном пространстве, но Большой почему-то их не видел. Заводские программисты валили все на Привалова, заводское начальство тем временем грызлось с Мосспецстроем, а трест, в свою очередь, вынимал душу из Базунова, требуя установить, какой дятел настучал про тринадцатый контейнер. Поскольку отправкой бессмысленного груза на Луну заинтересовалась, ядрена облигация, транспортная прокуратура.

Базунов тем временем проверил то, что его действительно волновало: он заставил доктора Ленца, как заведомо наименее ценного члена экспедиции, надеть скафандр и ходить по площадке, семафоря группе и ее отдельным членам «стоп». Назавтра задачу усложнили: Ренкель технику слегка ломал, а доктор мешал другим машинам идти ей на подмогу. У Базунова все не шел из головы «внутренний аварийный режим», он хотел быть уверен, что Большой не смахнет человека со своего пути, ядрена муха, если надо спасти железного коллегу.

Большой вел себя идеально. Доктор, кстати, тоже хорошо слушался команд. Под занавес Базунов сказал ему имитировать отказ кислородного баллона – и славный маленький погрузчик вмиг домчал доктора до тамбура командной вышки.

Через неделю Базунов с бригадой ушел на космодром, где у него пахали сразу три группы, надолго там застрял, общаясь с Большим дистанционно и осторожно радуясь его бодрым отчетам, а когда вернулся – остолбенел.

Скалы, об которую мог разбиться дирижабль, больше не существовало. Не было и кратера. Бесследно исчез сложенный первопроходцами «той стороны» каменный гурий – вот же делать людям было нечего, а ты теперь отдувайся, – в основание которого они засунули, ядрена писанина, капсулу с посланием будущим поколениям молодых коммунистов от строителей коммунизма. В радиусе километра от стройплощадки обратная сторона Луны стала плоской и гладкой, как школьная парта. И вокруг этого великолепия красовалась невысокая, но убедительная кольцевая насыпь с дорогой поверху. На что Большой таким образом намекал, Базунову было страшно даже предположить. Как это колечко выглядит сверху, он решил не задумываться: с Земли не видно, а в космосе все свои, ядрена мафия, посмеются да забудут. И сумасшедших в космос не берут, значит, никто не наступит в КГБ, что Базунов подает знаки потенциально враждебным цивилизациям.

Все бы ничего, только со строительством коммунизма получилось некрасиво. Бедный доктор три дня бродил по территории с металлоискателем в поисках капсулы, потом Базунов напряг Малаева, и тот накатал такое послание, что пальчики оближешь. Бумажку упаковали в старый термос, камней наковырял своим ковшом добрый маленький погрузчик, впоследствии все тщательно заровняв. Как раз успели закончить к моменту, когда прилетели спецрейсом заводские, вызванные Базуновым вправлять Большому мозги. Вкатили ему новую прошивку, сфотографировались у памятного знака первопроходцев – Малаев чуть не помер со смеху, – и убралась восвояси. А Базунов продолжил работу, не получая от нее уже ни малейшего удовлетворения. Он не доверял Большому. Группа вела себя превосходно, не проявляя никакого своеволия, но бригадир был постоянно настороже, уставал из-за этого, злился на Большого, на себя, на бригаду, на трест, на завод-изготовитель и почти уже обозлился, ядрена психика, на транспортную прокуратуру, но тут оказалось, что задачи выполнены, пора ехать в отпуск, а потом на Марс.

По ситуации с группой Базунов написал подробный отчет, где надо заострив, а где не надо прикинувшись ветошью, и сдал его в трест. Была слабая надежда, что группу вернут на доработку.

Как бы не так. На Марсе бригадира поджидал Большой, а Большого – площадка под строительный комбинат. Ну а площадку, естественно, ждали на начальном этапе всяческие нестыковки, недоработки, недопоставки и прочие «недо» в широком ассортименте. То есть бесконечные простои, в дни которых Большой и его команда раздухарились, ядрена землеройка, не по-детски.

Будь у Базунова такая возможность, он бы глаз с Большого не спускал. Но куда там. Шесть групп, постоянный аврал, ядрена свистопляска, новые вводные почти ежедневно. Чтобы вызвать на социалистическое соревнование вторую прыгающую экспедицию Мосспецстроя, Базунов командировал в марсианскую контору треста доктора Ленца. Вторая экспедиция выступила еще круче – прислала чучело бригадира с запиской: «Дима, привет, извини, у нас полный караул, увидимся на Земле».

Трест обещал наказать обоих, но когда-нибудь потом.

* * *

По обратной стороне Луны Большой еле ползал – вероятно, опасаясь взлететь, – а на Марсе проявил неожиданную прыть и прямо-таки, ядрена физкультура, забегал. Выработка у группы оказалась шикарная. Фантазия тоже. Буквально в каждый приезд Базунова на площадку его там ждал сюрприз. Но если удлиненная взлетная полоса Базунова не удивила ни капельки, к Анизотропному шоссе он был морально готов, а кольцевая дорога вокруг площадки – это, считай, наш фирменный стиль, – то Пик Коммунизма срубил бригадира под корень.

За каким чертом, непонятно, но в плане было – заровнять метеоритный кратер в некотором отдалении от будущего комбината. Группа задачу выполнила и перевыполнила. На месте кратера выросла гора вида самого что ни на есть подозрительного. У Базунова привычно уже засосало под ложечкой, он позвал геодезиста. Тарасенков битый час носился туда-сюда со своими хитрыми приборами и выдал заключение: гора точно повторяет форму кратера в обратной проекции.

– Я понял: это намек, – сказал Базунов и помрачнел.

– Большой, зараза, так пошутил, – подал версию Малаев. – А чего, я бы тоже пошутил, если бы меня заставили фигней заниматься на рабочем месте. Кому мешал этот кратер...

– Ты и так фигней страдаешь на рабочем месте, да еще и шутишь постоянно, аркадий ты ядреный райкин! Что это за распятие торчит на берегу моря? Почему оно в моей спецовке? Думал, не узнаю? я в ней весь прошлый сезон... Там каждая дырка моим трудовым потом обмыта!

– Это аллегория, – заявил Малаев.

Базунов посмотрел на него, крякнул и сказал:

– Пойду, что ли, Привалову бубну выбью. Давай за мной, следи, чтобы я в натуре руки не распустил.

Он пошел и налаял на программиста так, что тот сидел ни жив ни мертв. За молодого вступился доктор Ленц, досталось и ему на орехи. Доктора попробовал отмазать Сухов, за Сухова вписался обычно невозмутимый Ренкель, и тут бригадир натурально вышел из себя.

– Властью начальника экспедиции всем – суровое порицание, ядрена аллегория! – орал Базунов. – Вместо телесных повреждений средней тяжести, которых вы заслуживаете! Строители коммунизма, ядрена скотобаза! Глаза б мои вас не видели! А теперь все на площадку и управлять вручную! Скрыть этот пик коммунизма к ядрене бабушке под корень!

Вот так идеально ровный участок поверхности Марса стал навечно Пиком Коммунизма. С кольцевой дорогой и Анизотропным шоссе Базунов думал разобраться позже, а длинная взлетка ему на самом деле понравилась. В следующий заход он собирался поставить на профилактику свой ушатанный атомолет и без суеты устранить все пакости Большого, пусть даже в ручном режиме.

Как известно, бригадир предполагает, и Мосспецстрой тоже предполагает, а главк располагает. Пренеприятнейшее известие: к нам едет полярный песец. В ближайшие несколько лет насосной станции достаточной мощности не будет, и труб нужного диаметра тоже. Комбинат останется без воды. Перенести его ближе к водохранилищу нельзя: есть план, он увязан с другими планами, раз приказано комбинату тут стоять – будет тут стоять, ядрена экономика, хоть сухой, но будет. Однако, товарищи, в наших силах сделать его мокрым! Вот гидролог, он покажет, как правильно рыть канал.

Поскольку водохранилище делал родной Мосспецстрой, его, разумеется, прозвали Московским морем. Базунов недолго думая нарек свой новый объект Каналом имени Москвы, подхватил гидролога и помчался на всех парах от начальства подальше.

Увы, пробыть на объекте ему удалось чуть больше двух суток – бригаду сорвали «на кислород». Хватило времени не доломать атомолет, загрузить группе новую программу, со всеми в той или иной степени переругаться и отбыть на другую сторону Марса, понимая: в чем-то ты глубоко не прав, ядрена кочерыжка, вот только в чем – поди догадайся.

Верно сказал Ренкель: умнейшая ведь группа. Научиться бы с ней говорить. Научиться бы ей объяснять. Или научиться ее слышать?..

На прощание Базунов подошел к храброму маленькому погрузчику, воровато огляделся – не смотрит ли кто, – и сказал ему:

– Ну хоть ты-то не балуй. я знаю, ты парень что надо. Если смогу, я вернусь за тобой. Если нет... Прости, ядрена совесть. Но придут другие люди, хорошие добрые люди. Не подведи их, электрическая твоя душа. Лады?

Подумал и добавил:

– Они тебя тоже будут любить.

* * *

Когда в новостях прошло сообщение: «Астроном-любитель уверяет, что марсианские каналы меняют конфигурацию», Базунов сразу встрепенулся. Если чутье не подвело его, дело пахло не просто керосином, а вылетом из треста, да с таким волчьим билетом, ядрена репутация, что потом дворником не возьмут. Бригадир пошущукался с доктором Ленцем и назавтра вместе с Ренкелем подхватил «марсианский грипп», низкотемпературную инфекцию, при которой полагалось лежать и не высовываться. Еще он подхватил у соседней легкой развозной атомолетик – за ящик пива по возвращении на Землю, зуб даю, ядрена вобла, – погрузил на него вездеход и был таков.

По дороге к аэродрому он вызвонил гидролога и попросил справиться, не подсел ли, ядрена клизма, уровень Московского моря. Гидролог фыркнул, но через полчаса уже умолял взять его с собой. Море и правда слегка обмелело – об этом доложили наверх, но там как-то не придали значения: подземные источники вскрыты качественно, а убыль наверняка естественная, как убыло, так и прибудет.

– Фиг оно прибудет, ядрена лужа, знаю я своих железных ребят, – процедил Базунов.

Через сутки они втроем стояли на берегу водохранилища и беспомощно ругались. Море размыло перемычку до основания. Канал имени Москвы интенсивно поглощал дефицитный продукт и сливал его... Куда?

– А то ты не догадался, – пробасил Ренкель и криво усмехнулся.

Группа на вызовы не реагировала. Засечь ее без спутника Базунов не мог, а обращаться в службу слежения означало раньше времени подставиться. Бригадир еще не готов был подставиться – не знал, ядрено алиби, как отбрезаться.

– Пойдем по следам, – решил он. – Настоящие индейцы, ядреный чингачгук. Мой скальп уже чешется.

– А хороший канал получился, – заметил Ренкель. – Молодец Большой, четко сработано.

– Канал отменный, – сказал гидролог.

– Имейте совесть, негодяи, – сказал Базунов.

Еще через полчаса они стояли на краю Невеликого Каньона и даже не ругались.

Водопад рушился в кальдере с истинно промышленным грохотом. Воздух у водопада был совсем не марсианской бледной немочью, а по-земному плотным на вид, и люди сразу почувствовали, как стосковались по нормальной атмосфере.

– Я на секунду, – сказал гидролог.

Его не успели остановить, он уже снял маску и сделал осторожный вдох.

– Ну ты псих, ядрена кашенка! – заорал Базунов. – Вот я тебя сейчас!

– Надо бы померить, да нечем, – сказал гидролог, снова пряча лицо за прозрачным забралом. – Пробы взять. Но в целом приемлемо. Как наше высокогорье. Я же альпинист.

– Ты анархист! – рявкнул Базунов. – Попалил бы легкие, и куда тебя потом?..

– Вы туда поглядите. – Ренкель показал на другую сторону разлома. – Дима, где твой бинокль?

– И так вижу. – Базунов отдал бинокль стармеху. – я другого не вижу. Где мост? Не могли же они перелететь, ядрена телепортация.

Канал не только впадал в кальдере. Он был прорезан дальше на другой ее стороне – пускай сухой, но все равно канал. И терялся в бескрайних марсианских далях.

– Слева. – Ренкель вернул бинокль.

– Ах ты, ядрена конструкция...

Следы группы вели к скале на краю обрыва. От нее на другую сторону были проведены два толстенных буксировочных троса. Держались они на забитых намертво в скалу жалах от отбойных молотков.

– Это уже какая-то ядрена фантастика, – буркнул Базунов. – Ты что-нибудь понимаешь, дядя Жора?

– Я все понимаю... Но как?!..

– То-то и оно.

Базунов не глядя ткнул пальцем себе в маску, явно собираясь погрызть ноготь ради активизации умственной деятельности, ядрена головолетка, но палец уперся в плексиглас.

– Не мог дирижабль поднять эти тросы... – бубнил Ренкель.

– Кажется, знаю. Маленький храбрый погрузчик, – процедил Базунов и вдруг улыбнулся. – я всегда говорил, что он нормальный парень. Слушай, дружище... – Бригадир повернулся к гидрологу. – Есть хотя бы малейший шанс, что вода заполнит кальдере? я помню по карте, она замкнутая с обоих концов.

Гидролог пожал плечами.

– Теоретически... Ну лет через полсотни, если ресурса хватит.

– Здесь самое низкое место, и когда добьет до краев, вода поперет дальше в канал, верно? Чего молчишь, ядрена канализация?

– Да пошел ты... Откуда мы знаем, что там на дне? Может, все под землю уйдет.

– Не уйдет, – сказал Базунов. – я печенкой чую, ядреный нострадамус. Будет на Марсе роскошный Канал имени Москвы, запомни мое слово.

– И все-таки – как они переправились? – не унимался Ренкель.

– Ты просто не в курсе, дядя Жора. – Базунов снова улыбался, мягко, ласково. – Это все наша бесхозяйственность, ядрен госплан. На площадке не было ни грамма цемента, зато две катушки отличного бронированного кабеля.

– С ума сойти... Ну конечно! Маленький храбрый погрузчик! – Ренкель восхищенно цокнул языком.

То перебивая друг друга, то подсказывая, хлопая в ладоши и восторженно гогоча, стармех и бригадир прикинули схему переправы. Дирижабль на Марсе не поднимет ничего тяжелее «паука» даже на форсированном режиме. Ну и ладушки. Хватило бы силенок перетащить через каньон два хвоста бронекабеля – и задача решена. Сначала экскаваторы вбили в скалу жала, и «паук» закрепил на них буксирные тросы, чтобы лишний раз не мотаться туда-сюда.

Дирижабль тем временем занес концы кабеля на другую сторону. А здесь на кабель просто наехали бульдозером, чтобы впоследствии утащить с собой полезные веревочки, вдруг еще пригодятся... Дальше летающий пузырь увез «паука» и вдвоем они кабель натянули. Заякорили его – не важно как, наверное, дирижабль лег на пузо и закопался манипуляторами... И тогда маленький храбрый погрузчик переехал по кабелям на ту сторону, волоча за собой тросы. Дальше «паук» закрепил тросы на нем, а погрузчик уперся ковшом и уже сам работал якорем. Следом переправился его приятель экскаватор, забил два жала, натянул тросы до звона, «паук» снова вывязал узлы, ну и...

– Смотрите! – крикнул гидролог, глядя в бинокль куда-то вниз. – Вот он!

Базунов машинально схватился за сердце. Потом за бинокль.

Переправа была далеко от водопада, здесь река на дне разлома уже почти не бурлила, и желтое пятно под водой бригадир не заметил только потому, что не интересовался, чего там внизу.

– Уфф... – Он оторвался от бинокля и потер грудь. – Слава тебе господи, ядерен канатоходец, ядерена акробатика, да пропади оно все пропадом, как же я перепсиховал...

Потом он начал тереть виски под шапкой: похоже, у него схватило еще и голову.

Ренкель забрал бинокль, посмотрел вниз, потом уставился на тросы.

– Левый чуть слабее. Если не знать, так и не заметишь. Все прошли нормально, но трос просел, Большой ехал замыкающим и соскользнул.

– Да и черт с ним. Никогда я его не любил. я испугался, что там малыш...

– Честно говоря, я тоже... Надо проверить, как у Большого с реактором. Кожух не мог треснуть даже в теории, но мы обязаны.

– Сейчас принесу из вездехода дозиметр... – Базунов снова потер грудь. – Вот я дурень, правда? Сорвался Большой, а мне лишь бы не маленький, ядерны нервы. А этот пусть себе лежит, железяка фигова. Когда-нибудь поднимем. Хотя... Погоди, а как они теперь заряжаются? Ядерен аккумулятор, тогда группа встала где-то недалеко.

– Черта с два они встали. Запитаются от среднего бульдозера, у него котел слабенький, но если потихоньку, всем хватит отсюда и до посинения. Они еще колечко сделают и с другой стороны Марса приедут. Запчастей хватит, я посмотрел, ребяташки выгребли ангар подчистую, увезли на самосвалах небось.

– На среднем нет разъемов, чтобы запитать группу, забыл?

– Через «паука». Что они, дураки? «Паук» отлично работает как переходник. Всего лишь инженерная задача.

– Инженерная задача... Это Сашка все время талдычит. У тебя подхватил?

– Наоборот. я у него, – сказал Ренкель.

Базунов снова посмотрел вниз. Большой лежал на боку и мирно спал под толщей воды. Бульдозер мог отдыхать с чистой совестью. Он сделал главное – придумал, как переправить группу. Если надо просто рыть землю носом, группа прекрасно обойдется без него. Она будет тянуть канал до следующего естественного препятствия, и у нее уже есть готовый алгоритм, как препятствие одолеть. Далеко уйдут ребята, ой, далеко, ядерена экспедиция... И в один прекрасный день по их следам хлынут воды Московского моря. Если на пути группы встретятся старые марсианские каналы, значит, когда-нибудь вода в них вернется. И люди увидят, каким был Марс в незапамятные времена. Новые люди, мы-то вряд ли.

Но все, что мы делаем в жизни, все, что мы строим, это ведь не для себя. А ради счастья будущих поколений, ради новых людей...

– Сильно тебя отымеют? – спросил гидролог, вставая рядом.

– Наплевать, – сказал Базунов.

И улыбнулся так широко, так искренне, что гидролог даже слегка испугался за него – а не сорвало ли у бригадира резьбу.

– Прямо уж и наплевать? Сейчас начнется... Что я, не знаю? У нас везде одна система. Тебя сначала заставят догнать и остановить эту землеройную команду, а потом начнут снимать очень мелкую стружку очень тупым рубанком.

– Это будет не сегодня. И даже не завтра.

– То есть?..

– Отставить кипеш. Мы сейчас проверим радиационный фон, и если котел в порядке – а он в порядке, зуб даю, его можно с ядрена эвереста ронять, – быстро сделаем ноги. И никому не скажем, ядрена конспирация. Нас тут не было. Верно, дядя Жора?

– Я в вагончике лежу и на лампочку гляжу, – пробасил Ренкель. – У меня грипп сви-репствует.

– А ты что скажешь, друг ситный?

– Ну... – Гидролог замаялся. – Ну, это в конце концов очень интересно. Водоохранилище подпитывается неплохо, источники вскрыты на совесть. Оно просядет, конечно, но вовсе не насухо. И канал-то, прямо скажем, не Панамский.

– Ладно-ладно, он себя еще покажет. Мосспейстрой веников не вяжет, ядрена технология! И я считаю – пусть ребята поработают сколько успеют. А то вечно я мешал им вернуться. Одни мне не дают, другим я не даю... Надоело.

– Пора валить, – напомнил Ренкель. – Пошел за дозиметром.

– У вас там комплекта химразведки нет, случаем? Или чего-то похожего? Хочу пробы воздуха... – И гидролог ушел вслед за стармехом.

Базунов остался у обрыва. Рассматривал спящего Большого и снова улыбался. Он уже не сердился на строптивый бульдозер, напротив, чувствовал в нем едва ли не родственную душу, ядрена психология.

Сам того не понимая, он глядел на свое отражение – того, кто хочет работать и работает, даже когда ему не дают.

* * *

Канал имени Москвы, питающий сегодня всю марсианскую промышленную зону, размечен еще на самом раннем генеральном плане освоения планеты, и нет оснований думать, что было иначе. Конечно, в период «штурма и натиска» случалось всякое. В дошедших до нас мемуарах ветеранов Мосспецстроя слышны отголоски героической эпохи, когда природа была заведомо сильнее человека, планы корректировались едва ли не ежедневно, а строители ощущали себя ни много ни мало передовой армией космической экспансии. С сообразной этому психологией и терминологией. Они не просто работали, а сражались за лучшее будущее для всех, и выражение «трудовой подвиг» звучало отнюдь не пафосно. Наши предки были готовы рисковать не только репутацией, но и самой жизнью, чтобы добиться выполнения поставленной задачи.

Не исключено, именно таким был и Дмитрий Базунов, о котором можно уверенно сказать лишь самый минимум: он и правда служил начальником «прыгающей экспедиции», а в списках Героев Соцтруда не значится.

В остальном «Подлинная история Канала имени Москвы» выглядит компиляцией сразу нескольких мифов эры первопроходцев. Некоторые из них не лишены документальной основы: например, на берегу Московского моря вы могли заметить необычный топоним «Улица Анизотропное шоссе». И первые литры воды в древнюю ирригационную систему Марса действительно были поданы из знаменитого канала. Другой разговор, что это никак не могло произойти по воле трудолюбивых роботов, отбившихся от рук. Система социального планирования была исключительно жесткой, и в ней просто не нашлось бы места для подобного самоуправства.

Но что касается технической стороны дела, тут все намного ближе к реальности. В династиях строителей действительно передаются из поколения в поколение легенды о строптивых бульдозерах и хитрых экскаваторах. Техника того времени конструировалась с огромным запасом прочности и по сей день на ходу. Конечно, у нее современный мозг, но механическая основа и дизайн остались прежними.

А значит, не исключено, что где-то рядом с нами живет и работает – несет трудовую вахту, как сказали бы предки, – маленький храбрый погрузчик.

Так пожелаем ему долгих счастливых лет, ядрены пассатижи.

Сергей Звонарёв Точка бифуркации

«...Советологи сходятся в том, что с приближением двадцать четвертого съезда КПСС скрытая политическая борьба в советском руководстве будет нарастать. На предстоящем пленуме ЦК партийные начальники старой школы попытаются ослабить позиции коммунистов-технократов во главе с президентом Академии наук Владимиром Боголюбовым, вдохновителем выдающихся успехов Советов в области межпланетных пилотируемых полетов, термоядерной энергетики и робототехники. Вероятно, атака на Боголюбова начнется с отставки его соратника Алексея Кузнецова, главы Государственного комитета межпланетных сообщений. Повод для отставки есть – катастрофа первой пилотируемой экспедиции к Венере...»

– Володя, тебе нужно остаться в Москве, – сказал Алексей. – Новосибирск подождет. Я понимаю, это твой любимый город, да и мой тоже, но... но тебе нужно остаться.

Сквозь стеклянную стену аэропорта было видно взлетное поле. На посадочную полосу садился пассажирский стратоплан, и Боголюбов невольно залюбовался красивой машиной, рядом с которой «Аны», «Илы», «Боинги» и даже «Ту-144» – сенсация Ле Бурже пятилетней давности – казались бочками с крыльями.

– Пойми, дело не в том, что мне грозит отставка, – продолжил Кузнецов, – это здесь вообще ни при чем...

– Я знаю.

– И все же полетишь?

– Да.

– Пленум через неделю, Володя. я говорил, что на моих замов выходили люди из КГБ? Боголюбов широко улыбнулся и прямо посмотрел в тревожное лицо друга.

– Думаешь, я убегаю от проблем?

– А что, нет? Выглядит именно так.

– Вот и отлично! Может, это успокоит слишком ретивых.

Боголюбов вновь смотрел на взлетное поле. Приземлившийся стратоплан уже скрылся из виду. «Скоро должны наш подать, – мелькнула мысль, – через полтора часа буду в академгородке».

– Надо играть на опережение, Леша. я тут кое-что задумал, – он подмигнул, – небольшая конференция региональных руководителей в преддверии пленума. Соберу сибиряков – да и не только, покажу им наши достижения.

– Неплохая мысль, – проговорил Кузнецов. Тревога в его голосе сменилась задумчивостью. – Значит, едешь вербовать новых сторонников.

– Именно. А московские интриги... на этот счет у меня есть ты!

Рассмеявшись, Владимир хлопнул друга по плечу. Оставшееся до посадки время Боголюбов объяснял Алексею детали своего плана. «А ведь может получиться, – думал Кузнецов по дороге в Москву, – если промышленные регионы поддержат нас. Средмаш, конечно, нам не переманить. Но первые секретари крупных городов на нашей стороне, Ленинград, Киев, это точно...»

Телефонный звонок прервал его мысли. Секретарь Боголюбова сообщил, что в президиум приходили «люди в штатском с красными корочками». Похоже, в первую очередь их интересовал рабочий график президента Академии. «Хозяин из дома, мыши в дом», – мелькнула мысль. Бесцеремонная акция в сердце административной машины Академии повышала

ставки: видимо, на Лубянке решили поднять забрало. Что ж, если так, если борьба становится открытой, это хорошо, подумал Кузнецов. К такой борьбе мы привыкли – и я, и Володя.

Добравшись до кабинета и выслушав новости – главной была та, что он по-прежнему руководитель ГКМПС, – Алексей еще раз взвесил все, как следует. Приняв решение, он подошел к окну, из которого виднелись Москва-река с пересекающими ее мостами, недавно построенный огромный стадион, а за ним – здание университета со шпилем, плывущим среди облаков в синем небе. «Семи смертям не бывать, а одной не миновать, – весело подумал Алексей. – Начнем, пожалуй?»

Он вернулся к столу и нажал кнопку вызова.

– Соедините меня с товарищем Краюхиным... Да, да, я в курсе, что он на Луне. Если его нет на базе, пускай найдут. Скажите, срочное распоряжение от Кузнецова.

– Значит, он улетел в Новосибирск.

– Так точно!

Председатель КГБ СССР товарищ Зайков встал из-за стола и прошелся по кабинету. Предстоящий пленум должен расставить все точки над «і». Зайков мысленно усмехнулся: в кои-то веки КГБ и руководство КПСС выступали единым фронтом! Что поделать – общий враг.

За последнее десятилетие Академия превратилась в настоящую империю с целыми городами, по сути, выведенными из-под партийного контроля. Какое-то время идеологический эффект от научных и технических достижений оправдывал ее особое положение, но всему есть предел. Успехи в космической акробатике – не повод пренебрегать законами развития социалистического общества в империалистическом окружении. А законы эти суровы. По границам Союза расположены базы НАТО. Мы строим планетолеты, американцы вместе с союзниками – авианосцы и новейшие подводные лодки. Да и полумиллиардный Китай становится серьезным игроком.

Это и есть реальность, забывать о которой преступно.

Академию надо вернуть к задаче, ради которой ее создали, – крепить обороноспособность страны. Похоже, это будет болезненный процесс, но ничего не поделаешь.

– Вызовите подполковника Горбунова, – приказал Зайков.

– Есть! – отозвался референт.

Председатель КГБ знал о любви Боголюбова к техническим новинкам и собирался сыграть на ней. В данном случае это будут стратопланы. За три года было построено семь машин, две из них курсировали по маршруту Новосибирск – Москва. Все экипажи прошли негласную проверку в КГБ, не согласных сотрудничать с Комитетом отстранили от полетов. Руководил операцией Горбунов, боевой офицер, участник войны в Корее и событий в Венгрии.

Пришло время пожинать плоды. Боголюбов может сколько угодно вербовать себе сторонников, но в пленуме ЦК он участия не примет: со стратопланом возникнут технические неполадки, из-за которых академик не успеет прибыть в Москву. Все кадровые решения пленум примет без него. Без слухов, конечно, не обойдется; ну а когда их не было? Поговорят и успокоятся. А вскоре съезд утвердит новую линию партии, избавленную от идеалистического уклона.

Зайков был уверен в успехе.

– Мы посадим стратоплан на испытательном аэродроме под Омском, – доложил Горбунов.

– Кем охраняется, – спросил Зайков, – военными или нами?

– Нами.

– Условия проживания?

– Вполне сносные. Есть столовая, коттеджи для персонала. Туда мы и заселим пассажиров. Подержим сутки, потом военно-транспортным самолетом доставим обратно, в Новосибирск.

– А если потребуется задержать на больший срок?

Горбунов пожал плечами:

– С технической точки зрения нет проблем. Политические риски я не могу оценить...

– Это не ваша забота, – оборвал его Зайков.

Он открыл лежащую перед ним папку, просмотрел документы. Потом приказал соединить его с командиром «Объекта 08777/65». Закончив разговор, поднял взгляд на Горбунова.

– Когда вылетаете?

– Самолет через полтора часа, товарищ генерал-полковник.

Председатель КГБ поднялся, вышел из-за стола.

– Чаще всего проваливаются операции, которые считают простыми, – веско сказал он, – помните об этом.

– Так точно!

Зайков протянул подчиненному руку:

– Удачи. Если будут проблемы – связывайтесь со мной.

Стратоплан рейсом Новосибирск – Москва поднимался в небо.

К вечеру Боголюбов рассчитывал быть в столице. Утром открывался пленум, на котором он собирался выступить. Академик надеялся на успех: устроенная им для членов ЦК экскурсия по Новосибирску и его окрестностям удалась. Термоядерные ТЭЦ, дающие городу дешевую и чистую энергию, роботы-уборщики в метро и на улицах, экспериментальные агропромышленные комплексы на берегу Обского моря произвели впечатление. Даже скептически настроенный первый секретарь Свердловского обкома, прежде говоривший об «оторвавшихся от народа ученых», признал свою неправоту. «Все, что вы видели, мы можем сделать в каждом советском городе, – сказал Боголюбов на совещании, – но нам нужна ваша помощь». Он сказал, что промышленный потенциал Сибири и Урала позволяет кардинально улучшить жизнь людей, показать все преимущества социалистической экономики. Сказал, что надо смелее переходить к новым формам организации производства. Кое-кто воспринял выступление Боголюбова как начало борьбы за пост Генерального секретаря. Что ж, пускай...

Академик почувствовал, что перегрузка исчезла: стратоплан перестал набирать высоту. Небо оставалось синим, еще не приобретя характерный для стратосферы фиолетовый цвет. Что случилось?

– Уважаемые пассажиры! – раздался голос. – По техническим причинам наш стратоплан совершит промежуточную посадку. Просьба оставаться на своих местах...

Боголюбов подавил бесполезный страх – если машина неисправна, он все равно ничего не может сделать. Где же мы сядем? Вероятно, в Омске, там есть подходящая полоса. Возможно, до Москвы придется лететь обычным рейсом. Академик закрыл глаза и сосредоточился: новую ситуацию следовало обдумать. В первую очередь – кому позвонить из аэропорта.

Вариант, что он не сможет этого сделать, Боголюбов не рассматривал.

Краюхин проснулся к началу смены – многолетняя привычка делала будильник ненужным. В иллюминаторе плыла Земля – казалось, до нее рукой подать. Планетолет «Юрий Гагарин», совершив десятичасовой марш с лунной базы, уже третьи сутки нарезал круги на околоземной орбите.

Краюхину приказали ждать. Как обычно, это было самым сложным.

По короткому коридору он добрался до рубки.

– Отдохнул? – осведомился штурман, уставившись на командира единственным глазом – вместо второго в глазнице блестел протез. – Ну как, скоро будем садиться?

Краюхин пробежался взглядом по пульту управления и буркнул:

– Проверь финиш-программу.

– С плавающим районом посадки?

– Да.

– Проверял десять раз.

– Проверь одиннадцатый.

Штурман крякнул с досады и провел рукой – на которой не хватало трех пальцев и половины ладони – по волосам. Указательный палец на изуродованной кисти казался непомерно длинным.

– Николай, может, хватит темнить? Почему я здесь, а не на пути к Марсу?

– Олег, я тебе все объяснил. Приказ председателя ГКМПС. Стартовать с базы «Звезда-1». Точка. Выйти на околоземную орбиту. Точка. Быть готовыми к маневрам со входом в плотные слои атмосферы и посадкой на поверхность...

– ...«Точка», – передразнил его штурман. – Нет, я, конечно, тоже рад тебя видеть, но все же – зачем ты сдернул меня с «Циолковского»? Дабагян, небось, до сих пор тебя кроет последними словами.

– Не только Дабагян. У моего капитана тоже на него зуб вырос.

Это сказал появившийся в рубке Слава Зорин – здоровый парень, любитель молодецких забав. Однажды он в одиночку, на спор, перетащил пятисоткилограммовый неисправный электромагнит из американского сектора лунной базы в советский, отремонтировал его и отнес назад. Слава торжествовал, а малoverы были посрамлены. Именно он спас Олега, когда того придавило транспортером, заскользившим по ледяному склону Олимпа. Машина перевернулась, и Слава тридцать километров нес на руках своего наставника – пока не встретил Краюхина, в нарушение всех инструкций покинувшего планетолет ради спасения товарищей.

«Возьми только тех, в ком уверен, – вспомнил Краюхин слова председателя, – если придется тасовать экипажи, не беда – я разрешаю. Скажи, Кузнецов разрешил. Не переживай, с технической точки зрения задание не будет сложным» – «А с какой будет?» – спросил Краюхин. Кузнецов на экране видеофона поморщился. «Не знаю, – сказал он, – с человеческой, может быть. Может, все обойдется, и вы спокойно вернетесь на Луну. Может, возникнет необычная ситуация, в которой придется проявить инициативу. Понял?» Нет, захотел ответить Краюхин, но сдержался.

Под бурчание друзей он прикидывал, чем бы их занять. Послышался негромкий четкий звук – ожил закрытый канал связи. Голоса тут же стихли, воцарилась тишина, нарушаемая прерывистым сигналом зуммера. Под взглядами товарищей Краюхин подплыл к видеофону и ввел пароль в небольшом окошке снизу. Прочтя сообщение, Николай подтвердил получение. Потом немного помолчал, собираясь с мыслями, повернулся к друзьям и усмехнулся.

– Парни, – сказал он, – вы не поверите.

Все трое склонились над экраном бортовой ЭВМ. Программа распознавания изображений только что закончила обработку снимков, и теперь межпланетники видели карту Советского Союза, на которой ЭВМ нанесла положения всех семи стратопланов.

– Умничка, – с нежностью сказал Слава, – хорошая программашка, все нашла. А вы сомневались! Просто надо знать, как с ней обращаться.

– Эти в полете, – проговорил Олег, ткнув указательным пальцем на два размытых силуэта, – еще три в аэропортах. Кузнецов, очевидно, о них знает. Остались два – один под Омском, другой под Воронежем... Хотя, постой, там вроде авиационный завод, может, регламентные работы?

– Сейчас выясним, – откликнулся Краюхин, – пошлю сообщение Кузнецову.

«Все-таки это случилось», – подумал Игорь Соколов, директор Вычислительного центра при ГКМПС. Леша Кузнецов, друг детства, а теперь начальник, пару дней в разговоре с глазу на глаз попросил быть готовым к внештатной ситуации. «Какого рода ситуация?» – спросил Соколов. «Срочная посадка планетолета класса «Венера» в заданном районе Земли. Потребуется финиш-программа, как можно быстрее. Скажем так, в пределах четверти часа после того, как станут известны координаты. Справишься?» – «Постараюсь», – хмыкнул Соколов. – «Хорошо. И вот еще что, – хмуро добавил Кузнецов, – поставь на это дело тех, кому доверяешь». – В каком смысле? – вскинулся Соколов, – я всем доверяю». – «Тех, кто не сотрудничает с органами, – сказал Кузнецов, глядя в упор, – понял меня?»

Последнее условие напрягло Соколова. Он всегда отбирал сотрудников по профессиональным критериям, остальное его не интересовало. Пару дней Соколов пребывал в непривычных раздумьях, пока его не осенило: есть такой человек! Если не он – ну, тогда уж я не знаю... Возможно, он слишком молод, чтобы доверять ему траекторию посадки, но, с другой стороны, все тестовые задания парень выполнил на отлично. Так почему бы и нет? В конце концов, надо ведь готовить смену! А на чем ей расти, если не на реальных задачах? Да и на «Гагарине» опытный экипаж, подстрахует, если что.

Игорь спустился в контрольную комнату, из которой управлялся суперкомпьютер ВЦ при ГКМПС. Возле одного из мониторов сидел худощавый густоволосый юноша, вперившийся в бегущие строки. Казалось, ничего вокруг он не замечает.

– Крутиков, – привычно позвал его Игорь, но тут же решил смягчить: – Миша...

Тот оторвался от экрана.

– Есть задача, – сказал Соколов, протягивая распечатку, – справишься? Расчет финиш-программы.

Крутиков, пробежавшись глазами, откликнулся:

– Разумеется, Игорь Иванович. Ничего сложного...

– Сколько тебе понадобится времени?

– Ну, на одном процессоре – часа два...

– А если я дам тебе все? Ты ведь, кажется, просил об этом, помнишь?

– Все? Тысячу двадцать четыре?

– Да.

В глазах Крутикова полыхнул восторг.

– Десять, может, пятнадцать минут, – пробормотал он, – или даже меньше... если, конечно, ни один не вылетит...

Игорь кивнул.

– Считай, что не вылетит, – пообещал он и поднял трубку: – Илья, Соколов говорит. Слушай, тормозни-ка всех пользователей, кроме Крутикова... Да-да, я знаю, но у него срочная задача, ничего не поделаешь, вырубай все... Вырубай, я сказал, потом разберемся. Да, под мою личную ответственность... хорошо, будет тебе письменное указание, будет. Ты что, меня не знаешь?

Положив трубку, он подмигнул Крутикову:

– Начинай, Миша. Сделаешь – считай, практику сдал.

Получив ответ, Краюхин повернулся к Олегу:

– Все-таки Омск.

Штурман уставился единственным глазом в окошко канала связи. Прокрутил на экране финиш-программу.

– Неплохо, весьма неплохо, – проговорил Олег, – надо же, за двадцать минут управились... Кто это у них там такой шустрый?

– Не знаю, – сказал Краюхин, – потом разберемся. Ошибок нет?

– Вроде нет.

– Будем садиться.

– Мы оба знаем, что вы лжете, – спокойно сказал Боголюбов, – вы и ваши коллеги из КГБ подстроили это. Стратоплан исправен, не так ли?

Ему хватило пары минут, чтобы все понять. Их ждали, и ждали давно. Персонал базы был как будто готов к визиту. Пассажиров быстро и четко – как по заранее подготовленному плану – разместили по коттеджам, более смахивающим на комфортабельные тюремные камеры. Не особенно надеясь на успех, Боголюбов потребовал связи с Москвой.

– Товарищ Боголюбов, это режимный объект, – подчеркнуто вежливо ответил Горбунов, – я понимаю ваше недовольство, но порядок есть порядок. О происшествии уже сообщено в Москву, мы ждем указаний. До тех пор, – полковник изобразил сожаление, – вам, как и другим пассажирам, придется остаться здесь.

Послышался звук, похожий на отдаленный раскат грома. Он постепенно нарастал, становился ближе. Горбунов начал было очередную вежливую фразу, но его слова потонули в сильном прерывистом грохоте. Подполковник резко поднялся и вышел за дверь, приказав академику – уже безо всяких церемоний – оставаться в комнате.

Боголюбов, улыбаясь, подошел к окну. Стекла, снаружи закрытые стальной решеткой, сильно дрожали. Академик положил на стекло ладони.

– Лешка, ну ты даешь, – проговорил он, не слыша самого себя. – Ну, здравствуй, друг.

– Километрах в десяти сядем, – сказал Слава.

Краюхин кивнул:

– Если что, прокатимся на транспортере.

На экранах внешнего обзора кружился истребитель – он сопровождал планетолет последние минут пять. Краюхин коротко ответил на вызов, сообщив, что у него приказ председателя ГКМПС, и отключился. Он рассчитывал, что военные стрелять по нему не станут, а КГБ вроде еще не обзавелся собственной истребительной авиацией.

Сели на песчаном пустыре, по краям которого поднимался невысокий редкий лес. Слава осторожно вылез из кресла и крикнул.

– Да, – пробормотал он, – тренировки тренировками, а матушка-земля тянет к себе крепко.

– Наверное, любит тебя, – откликнулся Краюхин, разминаясь, – готовь транспортер, может пригодиться.

Они заканчивали проверку спецкостюмов, когда на пустыре появились три БТРа, остановившиеся метрах в двухстах от планетолета. Из бронетранспортеров выкатились автоматчики.

– Так меня еще не встречали, – с деланным восхищением сказал Олег.

– Почетный караул, – хмыкнул Слава. – Дождались-таки!

– Посерьезнее, ребята, – одернул их Краюхин.

Он приблизил изображение с экрана: офицер отдавал приказы, автоматчики четко их выполняли. Не прошло и минуты, как они установили периметр вокруг планетолета. Было видно, что солдаты понимали командира с полуслова.

– Резкий парень, – сказал Краюхин, – не наломал бы дров. Надо с ним поговорить.

– Ладно, – откликнулся Олег, – так и быть. Пойду прогуляюсь.

– Ты прямо голубь мира, – буркнул Слава, – с твоей-то физиономией. Может, лучше я?

Краюхин прикинул: Слава нужен ему здесь, без бортинженера никак. Пойти самому? Надо бы, но нельзя. Кто знает, что прикажет Кузнецов.

– Добро, Олег, – сказал Николай, – только не задирайся, ладно?

– Межпланетник Олег Кротов.

– Подполковник Сергей Горбунов.

Последние шаги дались Олегу особенно тяжело: земная гравитация не чета лунной. Отвык за полгода.

– Я присяду, а? – спросил он, и, не дожидаясь разрешения, уселся на землю. Теперь Горбунов смотрел на него сверху вниз.

– Это секретный объект, – сказал он, – вам запрещено выходить за пределы оцепления.

– А я и не собираюсь, – ответил Олег, улегшись и подложив руки под голову. – Садись, подполковник, в ногах правды нет.

Растянувшись во весь рост, он скосил единственный глаз на офицера, выражая по мере способностей дружелюбие.

– Хорошо-то как, а! И небо такое голубое, не то что на Луне. Знаешь, там иногда не веришь в то, что Земля существует... Сергей, мы ведь не будем стрелять друг в друга, а?

– Для вашей безопасности будет лучше, если вы покинете район. И не сомневайтесь в том, что я исполню приказ.

– Послушай, Сергей, – проникновенно сказал Олег, – мы знаем, что Боголюбов здесь. И председатель ГКМПС знает, фотографии стратоплана уже у него. А скоро и другие узнают – видел истребитель? Думаю, через полчаса-час здесь объявятся военные. Вокруг них тоже выставишь оцепление? А на орбите у нас – «Академик Королев». Можем свистнуть ему, если что. Короче, Сергей, замять такое дело вряд ли удастся. Я, конечно, не большой знаток партийной жизни, но думаю, пленум заинтересуется тем, что здесь происходит. Слишком много шума.

Кротов, кряхтя, поднялся на ноги.

– А насчет оцепления будь спокоен – мы за него не сунемся. Нам это не нужно.

Он выпрямился.

– Ну все, я пошел.

Олег подумал, не протянуть ли подполковнику руку. «Не стоит, – решил он, – пожалуй, будет перебор».

– Удачи тебе, Сергей, – попрощался Кротов.

Подождав, пока он отойдет, Горбунов рявкнул в рацию:

– Федюкин, дай мне Москву.

– Алексей Дмитриевич, – в голосе секретарши слышалось волнение, – товарищ Зайков у телефона.

– Спасибо, Ирина, – ответил Кузнецов, чувствуя, как спадает напряжение. Все, это победа, осталось только ее оформить. Если Зайков хочет с ним говорить, это означает одно – он не может разрешить проблему сам.

Ответив на сухое приветствие, Кузнецов сразу перешел к делу:

– Сергей Владимирович, мне сообщили о технической неисправности стратоплана, на котором член Политбюро товарищ Боголюбов летел в Москву. Думаю, «Юрий Гагарин» способен вовремя доставить товарища Боголюбова в столицу. Посадочная площадка в Жуковском может принимать планетолеты такого класса...

«...Минувший пленум ЦК КПСС запомнился неожиданной отставкой председателя КГБ Сергея Зайкова и ярким выступлением Владимира Боголюбова, предложившего конкретный план по внедрению достижений науки и техники во все отрасли народного хозяйства. По мнению экспертов, на предстоящем съезде партии состав Политбюро будет серьезно обновлен, и сторонники Боголюбова получают перевес. Запад уже предвкушает поражение «старой гвардии», однако советологи предостерегают: несмотря на стремление освободиться от партийной опеки и всевидящего ока КГБ, молодые советские руководители убеждены в неизбежном торжестве коммунизма едва ли не больше своих противников. Подтверждением такой точки зрения служит развернувшаяся в Академии наук дискуссия о создании на базе СССР Союза Советских Коммунистических Республик.

Вполне возможно, в скором времени Запад ожидает новая волна идеологической экспансии с Востока. Смогут ли демократии Старого Света и Америки противостоять ей – вопрос, на который пока нет ответа...»

Борис Богданов Пятая безымянная

– Такой мир может быть только придуман. Боюсь, друг мой, вы живете в мире, который кто-то придумал – до вас и без вас, – а вы не догадываетесь об этом...

Аркадий и Борис Стругацкие

Приветствую тебя, дружище!

Прости, что отправляю письмо столь экстравагантным манером, в обход аппарата Мирового Совета. Люди любопытны, и часто слишком близко к сердцу принимают идеи покойного Бромберга. Вещам, о которых пойдёт речь, противопоказана огласка. Комов обещал молчать. Учитывая твой интерес к последнему визиту Тойво, тайну он сохранил. А потом... уже не успел.

Глупо и опасно тянуть до последнего. я расскажу всё, кроме вещей личных или не имеющих отношения к предмету.

Почему он выбрал Малую Пешу? Не знаю. Сентиментальность? Возможно. В других обстоятельствах я бы с удовольствием это обсудил. Но не сейчас, значит – никогда.

Итак, ранним утром 31 мая 22** года я вышел из метро возле коттеджа, знакомого Тойво по временам Большого Откровения. Местечко вышло из моды, дома стояли пустыми, климат-генератор не работал, поэтому меня сразу атаковали орды местных комаров, огромных и злых. Это не летуны средней полосы, милые и деликатные создания, это бескомпромиссные воины и добытчики... Странное, должно быть, зрелище – столетний старик, врачующий руками, как мельница.

Жаль, я не озаботился репеллентом. Не пришло в голову, что на Земле, вблизи финиш-точек метро, возможны такие комариные места. я поднялся на террасу, и кровососы сразу отстали, словно вдоль перил пролегла невидимая граница.

Тойво ждал меня. Он не изменился за годы, хотя что мы знаем про течение Их времени?

Странный вышел разговор. Нет, Глумов не выглядел рассеянным или невнимательным и не собирался исчезать. Просто набегала изредка на его лицо тень удивления. Не знаю, можно ли этим гордиться, но он явно испытывал ко мне пиетет. Так гениальный математик, наверное, относится к Учителю, преподававшему ему когда-то азы сложения.

– А ведь за мной должок, шеф, – сказал вдруг он. – Вы помните?

Я помнил. я помнил об этом всегда после Большого Откровения и их ухода. О чём немедленно сообщил.

Почему Тойво решил заполнить те лакуны? Ведал ли об этом Логовенко, или среди метагомов исчезло само понятие подчинённости? Не знаю. Стёртые куски касались в основном судеб присутствующих, но нас интересует конец разговора. Вернее, демонстрации.

Я оформил её в виде реконструкции. Ты помнишь это моё увлечение, да?

Реконструкция.

20** год, Земля, город Н.

Сопровождение брать не стали, отправились на машине Свенсона. «Ни к чему, – сказал он, – это приватный визит». За окном медленно тянулась набережная, недоуменно выглядывала из-под снега сочная зелень пальм, а за парашютом лениво колыхалось серое море.

– Часто у вас такое? – вежливо спросил Мария.

– Что вы, – удивился Свенсон. – Курорт, какие холода? Лет десять назад было что-то похожее, но не так. Вы приехали в неудачное время, видите, как оно сложилось?

– Вы не похожи на скандинава, – сказал Мария.

Свенсон оскалился. Черноволосый, смуглый, с упрямой синевою на свежесбранных щеках, он больше походил на турка.

– Я получился в маму, – весело ответил он. – Она турчанка, а папа – швед. Они познакомились во время переворота. Мама, горячая восточная красавица, она и сейчас красива, а уж тогда-то... и он – монументальный северянин, могучий и неразговорчивый; энтузиазм, стрельба, боевые вертолёты... Знаете, как это бывает?

В самом деле турок, отметил Мария, он не забыл ещё физиогномику, это приятно.

– Переворота?

– Так теперь называют события, когда скинули хунту. Некоторые тоскуют по старым временам. Говорят, был порядок.

– Да, – согласился Мария и замолчал.

«Пансионат доктора Эрдмана» спрятался в уютном парке, среди старых платанов. Дорожки почистили, служители сгребали снег, тарахтел мини-трактор, и вообще царила суэта как всякий раз, когда внезапно нарушается привычное течение дел.

Охранник на входе долго изучал их документы, потом говорил по телефону, пожимал плечами. С внутренней стороны фойе маячил усатый толстяк с рацией, его голос не долетал, съеденный мягкой обивкой стен.

– Проходите, – сказал гард, когда толстяк махнул рукой. – Вас ждут.

– Почему так долго? – спросил Мария, едва за ними сомкнулись двери лифта. – Им мало ваших полномочий?

– Частное владение. – Свенсон пожал плечами. – Только по решению суда. Нас пустили... неофициально. Может, из расположения к вам. А так... плевали они на мои полномочия! Извините.

На третьем этаже они вышли и свернули направо, в длинный пустой коридор. Толстый палас глушил звуки, ворс хватал за ноги. «Почему здесь так тихо? Дьявол, ведь я боюсь, – думал Мария, глядя на прямую спину Свенсона, – я не знаю, чем кончится эта встреча! Успокойся, страх – не помощник. – Мария замедлил шаг. – Возраст извиняет. Никто не станет меня торопить. А сколько сейчас лет Ивану? Не хочу вспоминать. Он тоже старик, хотя и моложе. Лет на пять или шесть».

– Пришли. – Свенсон остановился перед обычной дверью, облицованной пластиком «под орех». Нет, это в самом деле орех. Недёшево, недёшево. Откуда у них деньги? Стоп, нас это не касается. Мне не хочется входить, понял Мария, я не хочу увидеть Это и тяну с решением.

Он глубоко вздохнул и толкнул дверь.

Там не оказалось ни бассейна, ни даже ванны, парящей «Девонем». Иван сидел в громоздком кресле на колёсах, и сам он был большой и нисколько не изменился, только стал совсем белым.

– Здравствуйте, Жилин, – вытолкнул Мария из пересохшей глотки.

– Садитесь, Мария, садитесь, – сказал Жилин молодым голосом, – не надо стоять, это невежливо – стоять при безногих инвалидах, вы знаете?

– Зачем вы спрятались от Конторы, Жилин? – сказал Мария, озираясь.

– Да вот же, у окна! – подсказал Жилин. – я нужен Конторе?

– Спасибо, действительно...

Мария присел, и умное кресло сразу принялось массировать спину. Лучше бы оно принесло воды, подумал Мария, но Свенсон уже открыл и поставил на столик запотевшую

бутылку минералки. Он наполнил стаканы и деликатно вышел на балкон. Клацнула дверь. Жилин молча ждал.

– Э... Иван? – Мария сделал первый глоток. Хорошая у них вода, вкусная.

– Да?

– Где он?

– Кто? – Жилин изобразил недоумение.

– Да слег, чёрт побери! – рявкнул Мария. – Вы отлично знаете, зачем я здесь, и я не собираюсь ходить вокруг да около... так у вас говорят?

– Какая вам разница, Мария? – дёрнул лицом Жилин. – я давно на пенсии, это моё время и моя жизнь.

– Конторе нужен ваш опыт!

– Не лгите, Мария, – ответил Жилин, – никому не нужен мой опыт. Вы решили, что Жилин выжил из ума, вы решили спасти меня. Разве не так?

– И это тоже.

– Нет, не тоже... Только это! я идеалист, чему я научу их? Вы смотрите телевизор, Мария?

– Боже упаси!

– Зря... – сказал Жилин. – Там есть на что посмотреть.

– Ящик – для болванов, Иван!

Жилин коснулся пульта на подлокотнике кресла. Осветился огромный, во всю стену экран, и тишину разорвал радостный голос:

– ...чаёт свой четвёртый брак! Новым избранником поп-дивы стал знаменитый стриптизёр Аристарх! Молодые проведут медовый месяц на... – Со старомодным щелчком сменялись каналы. – ...Это настоящие гениталии северного оленя. Съешьте их за тридцать секунд и выиграете двадцать пять тысяч долларов! – Щёлк! – ...достаточно приобрести у нас это бельё по специальной цене, которую вы видите на экране. Звоните нам прямо сейчас! Прекрасная фигура без диет и изнурительных упражнений! – Щёлк! Щёлк. Щёлк...

– Болваны победили. – Жилин выключил телевизор. – Отныне глупость есть особое, высшее выражение ума. Правильного ума, практичного, приземлённого ума... Они не мечтают о звёздах, Мария, они хотят быть поп-идолами! Или новый телефон... я не хочу прислуживать дуракам, пусть справляются сами. А слег здесь. – Жилин коснулся лба. – Технология ушла далеко вперёд, а вы и не заметили. Извлечёте его, – предупредил он вопрос, – и я умру. Страшно убивать целый мир, Мария!

– Что там у вас, Иван? – глухо спросил Мария.

– Вселенная. – Жилин прикрыл глаза. – Там не падают спутники, а Солнечная система давно обжита. Там двадцать световых лет – средняя дальность. Там сотрудник галактической безопасности Сикорски готовит спасение целой планеты, а молодой Максим Каммерер валит башни ПБЗ. Там действуют таинственные Странники, а человечество необратимо разделяется по неизвестному признаку. Там живут люди. Разные – добрые и не очень, умные и не слишком, счастливые и несчастные – но умеющие мечтать не только о тёплом хлебе. Пока я жив – живы и они. я устал, Мария. Уходите.

Конец реконструкции.

Прав оказался Горбовский. Снова и в очередной раз прав. Они люди, в них осталось слишком много человеческого. Лакуны, как ты догадался... Они открылись тогда, поделились удивительным и ужасным знанием и тут же испугались, попытались исправить ошибку. Не слишком удачно, надо сказать.

Так обстоят дела на самом деле. Много становится понятно. Например, кто воспитал первого людена... Никто. Мечтатель дал слишком много воли своим созданиям. Иначе

неинтересно: скучно командовать марионетками. Человек же изворотлив и хитёр, а слова и идеи обладают силой, особенно в мечте. Сначала истину понял кто-то один, он же сделал первый шаг. Остальное – капризы новых богов, ограниченно всемогущих.

Есть вариант, более приятный нашему самолюбию. Метагомы создали собственные миры для игр или даже нашли выход в реальность. Интерпретации равноценны, выбирай любую.

Вспомни Радугу. Почему рассеялась Волна? Внезапная флюктуация – всё, что могут сказать физики, хотя Нуль-Т прочно вошла в нашу жизнь. Странно, не правда ли? Он пожалел их, понимаешь? Или кого-то одного, нужного ему для неких целей. Он не стал мудрить, а просто уничтожил Волну.

А удивительное человекоподобие, даже идентичность, вплоть до генома, многих разумных рас? Панспермия осталась гипотезой, есть факты, но нет теории. Почему? Он решил, что так удобнее.

Поэтому ушёл Камилл. Он не смог жить в мечте. Киборги не мечтают, грёзы трудно перевести на язык формул.

Достаточно. Ты легко наберёшь еще десяток примеров.

Прости за эту правду. Но ты прагматик и технократ, ты справишься.

Искать меня бесполезно, БВИ не поможет. Лет мне осталось немного, и хочется потратить их с пользой.

Прощай, дружище!

Твой М. К.

P.S, Надеюсь, он не выдумщик всё же, но Демиург.

Сергей Ковешников Пушка для воробьёв

Если бы не вырастающий в размерах и медленно поворачивающийся на экране континент, похожий на свернувшегося в клубок броненосца, Кондратьев бы решил, что грузовой бот, не отработав команду, просто завис над планетой. Никаких рывков, вибрации, толчков, грохота сжигающей корпус атмосферы. Тишина, как в сонный час, и спокойствие.

– Да уж, – вздохнул Кондратьев, признав, что nepозволительно долго привыкает к современным технологиям. – Это, товарищи праправнуки, не грузовик первого класса «Тахмасиб» на фотонной тяге с зеркалом-отражателем. Где, я вас спрашиваю, героическое напряжение мышц? Где пятикратные перегрузки?..

– Где сломанные шеи? – добавил Яков Вандерхузе, поправляя манжеты рубашки.

– Кстати, – сказал Горбовский, – ведь нам не нужны сломанные шеи? А то мне вас под гарантию дали – не простят.

– Акико не простит, – согласился Кондратьев. – А уж киты и подавно... Но, знаете, Леонид Андреевич, душа болит.

– Ничего, Сергей Иванович. Вот мы сейчас мирно сядем, и отпустит, – заверил Вандерхузе.

– Между прочим, – не удержался Кондратьев, – я, если не знаете, как и Алексей Быков, взял в своё время двенадцатикратную...

– В своё время, – рассеянно покивал Вандерхузе. – Центрифуги, первая космическая, вторая... А сейчас, знаете ли, Д-принцип, выхлоп в гиперпространство. Да, собственно, вы, Сергей Иванович, экспериментально, на себе, так сказать, подтвердили работающий механизм сигма-деритринитации. Вы у нас яркое живое свидетельство.

– Вот спасибо, – ответил Кондратьев. – Хорошо, что не ископаемое.

– А? – страшно удивился Яков. – Почему ископаемое?..

– Товарищи следопыты, – обратился Горбовский и покраснел.

Следопытам стало стыдно, и поэтому все прошли в шлюз. В помещении висел электрический запах озона, парило – глайдер полностью пророс. Это был шестиместный антиграв «кузнечик». Он был тёплый после родов, но уже приятно шершавый на ощупь, как скорлупа строительного яйца, и на корпусе ртутно поблескивали капли влаги. Горбовский хищно выставил вперёд указательный палец и вскрыл перепонку.

– Учтите, – заметил Вандерхузе ему в спину, – это машина для преодоления трудностей, средство для исследования и выживания. Она конструктивно не предусматривает ваших сибаритских замашек. Нету в ней, Леонид, как вы любите выражаться, «лежбищ». Смиритесь.

– Смирение – удел рабов, – констатировал Горбовский, протискиваясь сквозь тамбур в рубку. Он навис над креслом и протянул к нему руки, как к мёртвому Лазарю. Хрустнули шарниры, кресло приняло горизонтальное положение, и Горбовский, удовлетворённо ухая, тут же разложил в нём своё мосластое тело:

– А вы говорили, – укорил он, впрочем, ласковым голосом, вытягивая ноги и пошевеливая носками ботинок. – Ах, Яков, нужно тщательнее читать инструкцию пользователя. Рабочее место необходимо обустраивать под персональные нужды. Труд должен приносить радость и удовольствие. Это понимали даже в античные времена. Иначе работа превращается в каторгу. А нам нужна каторга? Нет. Мы её успешно преодолели. В том числе изобретением лежбищ.

– Вы бы всё же дождались Бадера, – обиженно проворчал Вандерхузе и встопорщил руками знаменитые рысьи баки. – Негоже спускаться без него.

– И что Бадер? – повёл носом Горбовский. – Август-Иоганн сейчас вникает в чуждую технологию, которая здесь, на орбите, всем нам изрядно попортила нервы. Шёпот из темноты, наведённые галлюцинаторные фантомы. Это повод к изучению, а не к бегству. Не на тех напали. Нашего человека, стремящегося к знаниям, страшилками не запугать. Особенно Бадера, который у нас ба-альшой специалист по искусственным образованиям. Они его преследуют по жизни. Можно сказать, где появляется Август-Иоганн, образуется феномен. Феноменальный человек – десантник, профессор. Но он вместе с Комовым прибудет завтра, а сегодня мы спустимся вниз и глянем, что к чему. Не стану я дожидаться и отсиживаться. И не останавливайте. Да, я член Мирового Совета. Но прежде всего – человек. А человек, как известно, это звучит. А ещё я следопыт, распутыватель загадок. Не люблю, когда честный труженик в коридоре затравленно оглядывается на тёмный угол и трясётся как осиновый лист. я в правильном значении использовал выражение, Сергей Иванович?

– На этот раз да, – вздохнул Кондратьев. Любил Леонид Андреевич проверять на живом предке свои познания в истории...

Глайдер скользил над равниной на северо-восток. Редкие щуплые облака нехотя передвигались по небу навстречу. Выпуклый глаз блистера, выступающий над плечами машины, давал великолепный обзор во все стороны. Но смотреть по большому счёту было не на что. Это был скучный мир и неправильный. Он состоял из похожей на стол равнины – чёрной земляной корки, без травинки, без кустика, – истыканной оплавленными, со вспенившимися краями, дырами-колодцами и изрезанной паучьей сетью трещин. Линия горизонта по причине местного оптического эффекта была опасно наклонена влево под углом приблизительно в десять градусов, отчего Кондратьеву казалось: сойди на землю, и тут же под тобой поедет каблук, ты рухнешь навзничь и, размахивая руками, покатишься куда-то вниз всё быстрее, быстрее. И в любом случае угодишь в один из этих бездонных провалов.

– Одного не понимаю, – сказал Вандерхузе, неодобрительно провожая глазами очередной «колодец». – Зачем было высаживаться в двадцати пяти километрах от цели? К чему променады?

– Не доверяю цирку шапито, сколоченному посреди кладбища, – ответил Горбовский. – Есть у меня ощущение, что нас не ждут.

– Ещё бы, – буркнул Яков. – Нам же не выслали контрамарки.

– Па-азвольте, – задрал брови Горбовский. – Ну а цветные полосатые палатки, развевающиеся вымпелы на пиках? Опять же мальчишки-трубадуры на входе?..

– Э-м-м, – промычал Вандерхузе и пожевал губами.

– От этой планеты одна головная боль, – пожаловался Кондратьев. – я здесь каких-то два дня, а уже гложет тоска по дому. Ещё эти ночные кошмары. Теперь трубадуры. Откуда?

– Это такой юмор, – пояснил Вандерхузе. – Леонид полагает, что смешно.

– Я считаю, Сергей Иванович, – медленно сказал Горбовский, разглядывая рубчатый пол под креслом, – что мальчишки здесь ни при чём. Они вообще не местные, они гастролёры.

– Вы про оазис, – сообразил Кондратьев, и ему стало неловко.

– Да, про него. Я, видите ли, хочу знать, почему разум на планете сошёл с ума. Мы тоже были близки, но вовремя одумались. Победили джутовые мешки, ликвидировали частную собственность и стали наконец людьми.

– Возможно, они тоже попытались стать людьми?

– К сожалению, они двинулись в противоположную сторону, – вздохнул Горбовский и поднял глаза на Кондратьева. – Вы думаете, Сергей Иванович, эта короста под нами – что? Это бывший плодородный слой почвы со всем тем, что на ней росло, ездило, ходило. Представьте планету как яблоко. С него срезают кожуру, кладут её в рот, пережёвывают, а затем укладывают обратно. Разумеется, уже с дырами, потёртостями и царапинами. я здесь уже

неделю, меня, как и всех, мучают кошмары, но, как сказал бы Яков, я рву и мечу. И ведь в точку, рву и мечу. Потому-что КОМКОН заседает, Бадер в пути, а доктор ксенопсихологии Комов решает проблему казуальности. Но вот вчера пришли новые материалы, и я посчитал, что дальнейшее промедление преступно. Мы примерно знаем, что случилось. Тотальный ксеноцид. Мы знаем, что они негуманоиды. Но до сих пор не знаем – почему? По плотности останков получается, что их было на порядок больше, чем нас. Они уже вышли в космос, вполне уверенно осваивали свою солнечную, принялись за терраформирование ближайших планетоидов. Всё как на Земле. А потом – крошево из бетона, стали, пластика и мёртвой органики. Когда сделали первый раскоп, у археологической команды случился шок, Артемьева даже пришлось госпитализировать. Если позволите аналогию, то это напоминало террористическую армию Цинь Шихуанди. Только в фигурах не было ничего человеческого, и они стояли впритык: разумные, их машины и механизмы, их зверьё, все это вперемешку с травой, кустами и деревьями, порой вдавленное друг в друга. Словно собрали все игрушки, положили аккуратно в коробку, понакидали для красоты гербарий, а потом упаковали, утрамбовали и получили эту корку... Как это возможно? По-моему, так вообще невозможно. Немыслимо! Может, бешенство генов, может, до предела загадили биосферу, и она пошла в разнос. Кунц сообщал о странных находках, многочисленных имплантах и новообразованиях. Например, о конечностях, изменённых под функциональные потребности, или органах восприятия, что указывало на обширные евгенические эксперименты. Он утверждал, что примерно треть останков по виду сильно отличались от естественных обитателей. Вероятно, местные видели себя в будущем киборгами. Разумная квазижизнь, подчинённая иерархии машинной логики. Вы бы такого возжелали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.